

**АЛЕКСАНДР
СТЕПАНОВ**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

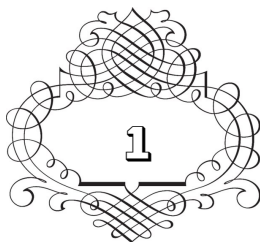

Хитенанов

АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Стихотворения

Волгодонск
2015

84 Рос 6
С 79

Степанов А.В.

Собрание сочинений. Т. 1. : Стихотворения
/ Александр Владимирович Степанов. –
Волгодонск : Самиздат, 2015. – 292 с.

В первом томе собрания сочинений собраны
стихотворения, ранее опубликованные в
сборниках: *«Строго между нами»* 1997 г.,
«Одолень-трав» 2000 г., *«Запах чёрной
смородины»* 2001 г., *«Стишата»* 2013г.,
«Мелодии ветра».

О СЕБЕ

В 1949 году в Сибирской земле (Новосибирская область Чулымский район село Серебрянка) родился я. Отец Степанов Владимир Ильич, едва мне исполнилось два месяца, был призван на военную службу. С той поры он с нами никогда не жил. Мама, урождённая Бунеева Нина Павловна, воспитывала нас с братом Павлом одна, а помогала ей в этом бабушка Анисья Сергеевна Бунеева (урождённая Маслова). Мама работала учителем и часто читала нам книги, бабушка была не грамотной, но знала великое множество сказок, которые каждый день рассказывала нам, как говорится, на сон грядущий. Мы ждали эти сказочные вечера, готовились к ним, нередко даже ссорились из-за «репертуара». Брат (он был постарше) предпочитал героические сказки, меня же привлекали бытовые сказки и сказки про животных.

К шести годам с помощью брата выучился читать, и мама записала меня в сельскую библиотеку. Сам я этого сделать не смог, потому что не умел расписываться. С этой поры ведущую роль в моём воспитании стали играть книги, любовь к которым с

возрастом постепенно переросла в страсть и привела к созданию собственной библиотеки.

Окончив семь классов средней школы, я практически распрощался с Серебрянкой. Восьмой класс окончил в посёлке Джебел Туркменской ССР, там жила моя тётя Таисия Павловна. Потом поступил в Куйбышевское медицинское училище, через два года перевёлся в Новосибирское училище, затем уехал в город Рубцовск, где устроился учеником слесаря на Рубцовский машиностроительный завод. Отсюда ушёл в Армию.

Вернувшись, снова уехал в Куйбышев, чтобы завершить обучение в медучилище.

Вообще город Куйбышев сыграл в моей жизни важнейшую роль. Здесь я получил образование и профессию фельдшера. Здесь женился на чудесной девушке Вале (Валентина Ивановна Феденкова), здесь родился сын Владимир. Отсюда началась моя журналистская деятельность. В Куйбышеве познакомился с интересными людьми (поэт Владимир Фёдорович Балачан, автор слов известной песни «Хлеб – всему голова», журналисты и поэты Иван Иванович Быков и Евгений Александрович Лазарчук и др.). В

Куйбышевской газете «Трудовая жизнь» впервые были опубликованы мои стихи.

Кстати, о стихах. Рифмовать строки я начал рано вслед за старшим братом. Мама говорила, что это умение у нас от прадедушки Василия (Бунеев Василий Иванович), который хоть и не писал стихи, но свои слова облекал в рифму. «Вон идёт Пашка, а пальто у него нараспашку», «Понастроил Борис клетушек для овец и телушек», – говорил он. Я тоже мог говорить в рифму, писать стишки «на случай», но всерьёз занялся поэзией в возрасте 35-40 лет.

По приглашению редактора районной газеты «За коммунизм» я переехал в Чулым, где работал литературным сотрудником, заведующим отделом сельского хозяйства, заместителем редактора. В это время окончил заочно Новосибирский сельскохозяйственный институт по специальности зооинженер. Там же родилась дочь Женя.

Почти десять лет было отдано журналистике. Затем работал инструктором райкома КПСС, главным зоотехником совхоз «Суминский», заведующим Серебрянской участковой больницы, частным предпринимателем. Именно в это время написаны стихи и поэмы, вошедшие в первые книги: «Строго между нами» 1997 год,

«Одолень-трав» 2000 год, «Запах чёрной смородины» 2001 год. В 2002 году принят в Союз писателей России.

В 2004 году переехал на новое место жительства в Ростовскую область город Волгодонск.

Александр Степанов

СТРОГО МЕЖДУ НАМИ

ДРУЗЬЯМ

Дорогие друзья, оторвитесь от дел
и, поверьте, в том наше спасенье.
Посмотрите скорее, как мир посветлел,
как берёзка застыла в смущении,

как под солнцем раскрыли ладони цветы,
умываясь божественным светом,
как ведут хоровод на опушке кусты
в модных платьях под музыку лета.

Посмотрите, насколько легки облака
и насколько река голубая,
как причудлив и весел полёт мотылька,
как из улья пчела вылетает.

Поживите хоть день на земле без забот,
мы ведь с вами разумные люди.
Это только для нас всё на свете цветёт
и, боюсь, повторенья не будет.

* * *

«Брызги шампанского» – танец души,
брызги шампанского – пятна в потолке.
Ты ко мне приблизилась – свет туши –
вся такая гордая – на замке.

У тебя и кофточка белая, как снег,
и душа прозрачная, как ручей.
Я же весь измызганный, как на грех,
я же весь издерганный, весь ничей.

«Брызги шампанского» – танец-вино,
каждый миг с тобою – выпитый бокал.
Я с такой красивой, ох, как давно,
и не целовался, и не танцевал.

Мы с тобою разные корабли,
мы с тобою рядом – ножницы и нить.
Даже не понятно мне, как смогли,
брызги шампанского нас соединить.

* * *

Переживу я эту боль
и, может, даже лучше стану.
Но только ты не сыпь мне соль,
пожалуйста, на рану.

Но только ты не бери
своим коварным смехом
мне раны старые в груди
подругам на потеху.

И не гляди в мои глаза,
иначе может статься,
что стороной пройдёт гроза,
а я могу остаться.

БЕЗУМНАЯ ЛЮБОВЬ

Я хочу тебя такую,
чтоб кричала от любви,
умерла от поцелуя,
от взбесившейся крови,

ожила от страстной речи,
как от сказочной воды.
Задуши меня при встрече
жарким телом молодым.

Загорись свечой от страсти,
не жалея ни слёз, ни слов.
Нет на свете выше счастья,
чем безумная любовь.

* * *

Я приму твою подсказку,
словно писанный закон:
видеть прошлое, как сказку,
настоящее – как сон.

Не открою я Америк –
заросли они быльём.
Был не дом, а царский терем
с позолоченным крыльцом.

Ты – красавица царица,
я, скорей всего, – Гвидон,
поварихи, мастерицы
с подмастерьями кругом.

Мы по-царски на крылечке
целовались целый день.
Солнце розовым колечком
укатилось за плетень.

И служанка-одалиска
принесла кувшин вина.
Как доверчивая киска
приласкалась к нам луна.

Разудалая шутиха
раздевалась догола,
сватья баба Бабариха
революцию вела.

Вдруг видение уплыло,
спохватился царь Гвидон:
это что ж такое было,
то ли сказка, то ли сон?

* * *

Если мужа у вас нету
и терпения,
дайте вы тогда в газету
объявление.

Жить одной, мол, мне не сахар
и к тому ж
нужен мне не просто хахарь,
нужен муж.

Чтоб красивый был и резвый,
не в годах,
чтоб спокойный был и трезвый,
как Будда,

чтоб мужскою силой дюже
был силён,

чтоб высокий. Ну, а хуже
не нужен.

О себе могу сказать я,
что мила,
правда, с детства завлекать я
не могла,

хоть обязанность супружью
выполнять,
я смогу уж, если нужно,
на все пять.

Буду я ему желанной,
как Джек пот.
Пусть же, гад он окаянный,
лишь возьмёт.

ГРЕХ

Она шептала: «Давай, забудем
все наши встречи, как глупый сон».
А вечер снова безмерно чуден,
и снова сладко целует он.

Стихия страсти – греха услада,
грешит губами, грешит взасос.

Она молила: «Уйдём, не надо», —
и подставляла глаза и нос.

Луна скатилась, как кошка с крыши,
любви навстречу, в кадрили утех.

Она шептала всё тише, тише,
и так всё ясно — безмолвен грех.

Быть может, кто-то его осудит,
её унизит и втопчет в грязь,
бывают очень жестоки люди,
когда им карту кладут не в масть.

Не плачь, девчонка, твои невзгоды
растают скоро, как первый снег.

Луна укроет, спасёт природа,
любить — не мучить, совсем не грех.

АХ, ВЕСНА

Ах, весна, ах, весна, что же ты наделала,
ни за что, ни про что отняла покой.
Я сегодня весь день шила платье белое,
только он не зашёл вечером за мной.

Ах, весна, ах, весна, что же получается,
может, это и впрямь не твоя вина?

Он сегодня опять не со мной встречается,
я ж как вишня в цвету до утра одна.

Ах, весна, ах, весна, это ты разлучница,
опьянила его, увела к другой.
Разве можно, скажи, от любви так мучиться,
разве может любовь угасать весной?

Ах, весна, ах, весна, все мои страдания
я сама изживу, изведу на нет.
Я сегодня опять буду без свидания
в белом платье встречать голубой рассвет.

ЗВЁЗДЫ ЛЮБВИ

1. Капелла

У каждого на свете есть звезда.
Твоя звезда – далёкая Капелла.
Любимая, да в том-то всё и дело,
что вместе мы не будем никогда.

И только в мыслях я смогу достать
до губ твоих, до трепетного тела.
Ах, милая чаруйная Капелла,
я с неба всё приму как благодать.

Не надо мне амброзий на столе,
я не помыслю о вине и хлебе.
Мне так хотелось жить с тобой на небе,
а вышло без тебя и на земле.

2. Вега

Ты сверкаешь холодной Вегой,
я – огонь, готовый уснуть.
Мой Пегас запряжён в телегу,
но устал он, однако, отбегал,
а до Веги, до милой Веги
бесконечно далёкий путь.

3. Кассиопея

Беру в свидетели я Млечный Путь.
Что может быть прямой тропы честнее!
Я не совру, ну, если уж чуть-чуть,
так ты за то прости, Кассиопея.

Я по ночам гляжу тебе вослед,
когда ты в бесконечность улетаешь.
Возьми с собой, измучался поэт,
твой вечный взгляд с надеждой ожидая.

Чтобы догнать тебя и чтоб сказать: «Люблю»,
никчемны, видно, все мои старанья,
ведь для меня шаг каждый по рублю,
тебе малы вселенной расстоянья.

Ночная мгла, космическая тишь,
хрустальный звон небесной ассамблеи.
А ты летишь, по-прежнему летишь
всё дальше от меня, Кассиопея.

* * *

Вечерняя заря укрылась покрывалом,
и смолкнул до утра кузнечиков галдёж.
Ты снова не пришла, хотя и обещала
и, судя по всему, сегодня не придёшь.

Я постою один теперь уже без цели,
покашляю в кулак очкастою совой.
Скорей всего, сейчас ты нежишься в постели
и любишь не меня, а мужа своего.

Скорей всего, сейчас меня не вспоминаешь,
ты занята другим, бессовестно греша,
но завтра будет день, ты вспомнишь, заскучаешь,
и долго будет жить в смятении душа.

НЕЗНАКОМКА

Ты Незнакомкой, Прекрасной Дамой
из песен Блока пришла сюда,
сидишь напротив и смотришь прямо,
совсем как с неба глядит звезда.

Ты в шубке модной и шляпке новой,
видать, случайно зашла в трамвай.
Тебе не место в толпе убогой,
как неуместен на святки май.

Тебе бы в «вольвах» и «мерседесах»,
чтоб пальцы в кольцах, чтоб запах вин,
чтоб смех твой звонкий коварным бесом
будил желанья крутых мужчин.

Тебе бы танцы в шикарных залах,
тебе бы бархат и хрустали,
чтоб ты блистала царицей бал,
принцессой города и Мисс Земли.

Трамвай, споткнувшись, качнул неловко
и замер, словно подбитый зверь.
Гляжу напротив, а Незнакомка
усталой женщиной шагнула в дверь.

* * *

Ты держишься немного в стороне
среди подруг весёлых и румяных,
отмеченных всего одним изъязном —
холодным отношением ко мне.

Они всю стараются отвлечь
твоё и так нечёткое вниманье,

готовя нам такое испытанье,
что я бы лучше предпочёл картечь.

Ты слушаешь рассеянно, ещё
не зная, что хотят твои подруги.
Слова их лживы, как плохие слуги,
мои – не принимаются в расчёт.

И ты уже готова сделать шаг,
поддаться безобразному навету,
одумайся, постой, не делай это,
не всякий, кто оступится, тот враг.

Сейчас не трудно потянуть за нить
и разорвать привязанности узы.
Любить, конечно, можно без союза,
но всё же лучше искренне простить.

ТИШИНА

Я молчал, а ты кричала,
всё мне вылепив в глаза.
Без конца и без начала
била в комнате гроза.
Дверь захлопнулась в прихожей,
будто кончилась война,
и в весенний день пригожий
поселилась тишина.
И душа затрепетала

от свободы, от весны.
Боже! Как мне не хватало
этой звонкой тишины.
Опустился серый вечер,
словно занавес в кино.
У луны крутые плечи
не вмещаются в окно.
Вот и ночь заколготилась
доброй нянькой надо мной
и, свою являя милость,
пригласила на покой.
Но не спится, не ложится,
не идут на помощь сны.
И не знаю, где укрыться
от проклятой тишины.

* * *

И снова мы играем в прятки,
как ребятишки на лугу:
тебе чужды мои порядки,
я жить твоими не могу.

Мы улыбаемся друг другу,
пускаем по ветру слова,
и мечутся они с испугу,
как под ружьём тетерева.

Мы понимаем, что расстаться
уже давно пришла пора,
и надо искренне признаться,
что всё минувшее – игра.

Мы ждём минуты расставанья,
как встречи с господом монах,.
Томит и мучает свиданье,
и души плавают в слезах.

Хотя и то и это тоже:
улыбки, жесты – всё обман.
Я для тебя давно прохожий,
ты мне – растаявший туман.

Тебя целую по привычке,
а ты разыгрываешь страсть,
как будто вспыхиваешь спичкой,
чтоб ниже низкого упасть.

Увы нам, мы уже не в силах
скрыть, что сгорели навсегда,
что закатилась и остыла
любви счастливая звезда.

И развязалось, что связало
когда-то нас давным-давно,
хоть было этого немало,
но всё рассеялось оно.

Мы не враги, но мы чужие,
словно грибник и мухомор.
Пора кончать дела пустые
и этот глупый разговор.

Но неизведанные силы
нам не дают с тобой уйти
от нами вырытой могилы
на нами избранном пути.

ЛЮБЛЮ

Люблю дожди и мокрый лес,
люблю волну ржаного поля,
люблю сибирское раздолье —
край неразведанных чудес.

Люблю я наших поэтесс,
люблю родное хлебосолье,
с вином и музыкой застолье
под пенье молодых повес.

Люблю цветы, кресты церквей,
парящие в небесной сини,
пьянящий аромат полыни,
советы знающих людей.

Люблю кипенье летних дней,
цветенье буйное малины
и танец армии пчелиной
под ливнем солнечных лучей.

Люблю, когда вывозит мать
дитя на улицу в коляске,
как дед рассказывает сказки,
его укладывая спать.

Люблю скрипучую кровать,
признанья нежные и ласки,
бесцветье букв и рифмы краски,
люблю, чтоб жить – не умирать.

СВАДЬБА

Если хочешь, чтоб веселье
было в доме через край,
то тогда иль новоселье
или свадьбу затевай.

Свадьбы – русское раздолье.
Тем они и хороши,
что хоть пляска, хоть застолье
здесь ведутся от души.

Веселись, чтоб стало жарко,
все сомнения отбрось,
только помни – без подарка
ты не самый лучший гость.

Крякнул дед: «Дарю вам, внуки,
от души пятьсот рублёв,
как известно из науки,
деньги – вред ля стариков. –

Выпил рюмку – Это да! –
разошёлся старый, –
я и бабку вам отдам
правнукам в подарок».

Бабка смотрит – дело худо,
дед хватает через край:
«Ты меня ещё покуда
задарма не отдавай.

Тут намереди были двое
молодых ещё парней,
за свидание со мною
предлагали сто рублей».

«Ну, тогда другое дело, –
дед ехидно проворчал, –
мы твоим могучим телом
приумножим капитал».

Что за свадьба, если «горько»
не кричали раз пятьсот.
Непорядок да и только,
этак дело не пойдёт.

Ну-ка, громче, ну-ка, хором
разом, кто кричать горазд,
прекращайте разговоры,
«горько», «горько» много раз.

За столом идёт веселье,
шутят этак, шутят так.
У невесты от смущенья
покраснела аж фата.

А жених от счастья яркий,
словно солнце в летний зной,
поцелуем, как подарком,
обменялся с молодой.

До утра не затихают
разговоры и гармонь.
Парни ходят петухами,
девки – пламя, не затронь.

И они уснуть веселью
не дадут, сомненья нет.
Говорят, через неделю
свадьбу делает сосед.

БАБУШКА

Она сидела у окна,
следа внимательно за нами,
как будто добрая весна
за запоздалыми цветами.

Мы наливали в кружки квас
из запотелой грузной кринки,
и оживали вокруг глаз
её весёлые морщинки.

И между делом, не уча,
делилась бабушка Анисья,
словно кусочком кулича,
заветной выстраданной мыслью.

Впитав подаренный совет,
ватага внуков бестолковых
умнела на десяток лет,
как после выпуска из школы.

ВАЛЕНТИНА

Словно солнце, Валентина
разогнала злую ночь,
принесла сначала сына,
а затем в подарок дочь.

И сказала: «Если мало,
можешь смело продолжать.

Я нисколько не устала
для тебя детей рожать.

У меня такая сила,
не сломаешь в две руки».
Как глаза свои раскрыла –
распустились васильки.

На меня глядят, а сами
излучают добрый свет,
будто дарят мне на память
голубых цветов букет.

Обняла меня за шею
так, что руки не разнять.
Валентина, есть идея:
жить и век не умирать.

МАМА

Я в деревне случайный гость.

Снова вижу: одной ногой
наш петух, словно жемчуг в горсть,
загребает навоз парной.

Снова слышу: корова ревёт,
молоко, распирая вымя,

бесшабашно в подойник бьёт
музыкальной лавиной.

Сколько чувственных нот проснулось!
Отфильтрованный зеленью воздух
я вдыхаю как будто живую
из народных сказаний воду.

Мой отец удивлён немного:
— Что, приехал, совсем, поди?
Видно, сгрызла печенку дорога,
всё в пути да в пути.

Мать, скорее, ведь гость у нас,
вот он дома, а ты горевала...
И туман заслезившихся глаз
укрывает меня покрывалом.

Мама милая, дорогая,
не тревожься, не плачь обо мне:
те, кто осенью умирают,
оживают опять к весне.

Лучше дай я тебя поцелую,
посмотрю в водопады глаз,
я мечтал тебя встретить такую,
чуть растерянную, как сейчас.

Головою к груди припала
и затихла, словно во сне.
Я в тебе, как и прежде, мама,
ты любовью всегда во мне.

ДОЧЕРИ

Здравствуй, милая Женя,
пишет тебе отец.
Ты – моё продолженье,
жизни моей венец.

Может, своими стихами
я тебя удивлю.
Ты не рассказывай маме,
что я тебе говорю.

Мама твоя считает,
мужчины крепки как кулак.
Доченька дорогая,
всё это вовсе не так.

Конечно, мужчины плачут
редко по пустякам
и смотрят на жизнь иначе,
не так, как хочется вам.

Порой они даже жестоки,
могут ударить со зла.
Но, видно, такие уроки
жизнь им преподнесла.

Доченька дорогая,
зиму сменяет весна.
Поверь мне, грубость мужская –
внешняя сторона.

А если мужчину любят
не так, как модно теперь,
тогда для тебя он будет
«милый и ласковый зверь».

Сердце мужское надо
к добру отворять добром,
и будет тебе награда:
любовь и счастливый дом.

Бывают и исключения,
всегда есть нечет и чёт.
Я думаю, ты их, Женя,
просто не примешь в расчет.

Суди, но не очень строго,
ругай, но всегда любя,
и верь, как в Господа Бога,
как верит отец в тебя.

Я рассказал, что знаю,
чтобы тебе помочь,
чтобы по жизни шагая,
ты не споткнулась, дочь.

* * *

О Родине не следует кричать,
но если к ней любовь волнует душу,
тогда совета доброго послушай –
пойди и обними родную мать.

* * *

Мы хлеб едим, который испекли
из собранного пахарем зерна.
Пшенице сила от земли дана
и, значит, наша сила от земли.

* * *

Мы с домом отчим чем-то схожи
(в том, видимо, закон свой скрыт),
дом трещинами весь покрыт,
и у меня в морщинах кожа.

* * *

Запах чёрной смородины
и её терпкий вкус
у моей грустной Родины
с светлым именем Русь.

* * *

Машина времени – моя семья:
взгляну на сына – это в прошлом я,
а чтоб о будущем своём узнать,
гляжу я на отца и мать.

* * *

Ребёнок на коленях у отца,
а рядом мать счастливая такая!
Блестят глаза, сиянье от лица,
ни дать ни взять – российская святая.

АЛОЭ

В своей засушливой стрвне
я стал бы деревом могучим.
А здесь – лишь веточкой колючей,
уродцем чахлым на окне.

* * *

Умному ночь для раздумий дана.
Мысли родятся в тиши.
Умному ночь для спасенья души,
глупому – только для сна.

* * *

Мудрый думает много
иль много читает книг?
Нет, он молится Богу
и потому велик.

* * *

Господи, развей мои сомненья.
Для того, чтоб истину познать,
сколько надо книг перечитать?
Мудрым не становятся от чтенья.

* * *

Питают крохи воробья,
а потому он мал и хлипок.
Беря по крохам у великих,
могу ли стать великим я?

* * *

В чём истина? Кто может объяснить?
В том, чтобы властвовать над миром,
или спину гнуть перед кумиром,
или над собой владыкой быть?

СВЯТЫЕ

Святые люди глядят бесстрастно
с икон старинных куда-то вдаль,
их лица строги, черты прекрасны
и вера в Бога крепка, как сталь.

Нет выше счастья, чем смерть за веру,
и это действо у них в крови,
как нежной даме и кавалеру
нет выше счастья – сгореть в любви.

Их убивали трусливо власти,
одних – на дыбе, других – огнём,
петлёй, кинжалом, козырной мастью
бесстыдно ночью и подлю днём.

Но, принимая, как дар, мученья,
как знак отличия на земле,
они просили за тех прощенья,
кто жил без веры во тьме и зле.

Святые люди свой путь великий,
презревши славу, богатство, лесть,
прошли достойно, остались лики,
святые, словно благая весть.

Святые лики – не то, что лица,
будь это воин иль даже князь,
портрету трудно всерьёз молиться,
хоть позолотой его укрась.

В портрете, может, величья много,
но нет доступных простых идей:
дыханья Бога, мазка святого,
что вдохновляют на смерть людей.

В картине можно подчистить что-то
и сразу смазать сюжета нить.
А святость – это не позолота,
её с иконы не отскоблить.

Пусть постареют совсем иконы,
и лики даже померкнут в них,
но люди будут им бить поклоны,
как прежде, веря в своих святых.

ПОМОГИ СЕБЕ САМ

Не надейся на Бога
и не верь чудесам,
есть одна лишь подмога:
помоги себе сам.

Если в грязь ты утоплен,
торжествуют враги,
не развешивай сопли —
сам себе помоги.

На голодный желудок
не продайся врагам.
нет прощенья Иудам!

Убедись в этом сам.
Кто-то в меру, не в меру
доверяет врачам.

Ты держись своей веры:
исцели себя сам.

Не надейся на друга:
может он не успеть,
задержать может вьюга,
помешать может смерть.

От порога до Бога,
от земли к небесам
пролегает дорога.
Ты пройди по ней сам.

КАК ТОЛСТОЙ

Уйти бы в пустынь, как Толстой,
от жизни, ставшей балаганом,
от чёрной зависти людской,
от унижений и обмана.

Отречься бы от громких слов,
достатка и чужих желаний,
от книг, от музыки, стихов,
от чар волнующих свиданий.

Забыть бы близких имена,
избавиться перед дорогой
от хлеба, соли и вина,
от всепрощающего Бога.

Закрыть бы где-нибудь глаза
в лесу на травяной постели,
чтоб тело вымыла роса,
а душу ветры пожалели.

Чтобы случайная сирень
отпела радугой цветенья,
и стал бы мой последний день
началом нового рожденья.

Я – РУССКИЙ

Я – русский, значит, сам я Бог,
и нету у меня иного бога.
У русского всегда своя дорога:
обочиной, где не протянешь ног.

Мне всё равно вперёд или назад,
пусть без моста, без насыпи, без брода.
Мы, русские, - упрямая порода,
идём туда, куда глаза глядят.

Есть у меня особенная статья,
не то, что у еврея иль японца:
мне недосуг на месте постоять
и посмотреть, откуда всходит солнце.

Я не живу, а всё борюсь и бьюсь,
терплю, надеюсь, искренне страдаю
всё за тебя, единственная Русь,
униженная, но навек святая.

Я никого не мыслю над собой,
я сам себе и кремль, и столица,
но почему-то собственной судьбой
мне так и не пришлось распорядиться.

РЫЖИЙ

Сегодня выдают нам ордена
и разного достоинства медали.
Мне тоже причитается одна,
ведь и меня затронула война.
А рыжему опять не дали.

Наш взвод шёл в бой, как в омут головой,
мы, не шутя, считали смерть за благо.
Тот рыжий парень был всегда со мной,
я чувствовал его своей спиной,
он не отстал ни на полшага.

Мы залегли, нас придавил свинец,
носы как у покойников синели,
тряслись поджилки, словно холодец.
А парень рыжий – просто молодец –
лежал и улыбался, как в постели.

А там – ура, вперёд, истошный крик,
что даже труса превращал в героя.
Полсуток длился тот единый миг,
в который рыжий, как и я, постиг,
что жизнь – подарок лучший после боя.

И тишина, как сонная жена,
прижалась к уцелевшему солдату.
Никто тогда не думал, что война
не поровну поделит ордена,
и кто-то будет в этом виноватый.

Сегодня в батальоне торжество.
Сияют лица ярче, чем медали.
А рыжий этот парень – ничего,
он воевал не хуже моего,
а вот, поди-ка, ничего не дали.

* * *

Лежим на брюхе посередь болота,
прижав винтовки, как в постели жён,
танкисты, пушкари, а в основном пехота:
ни армия, ни взвод, ни батальон.

Свалило притяжение земли,
нет сил, преодолеть его законы.
Мы сорок дней из окруженья шли
от западного нашего кордона.

Все эти дни вокруг идёт война,
а мы за ней от запада к востоку.
Никто не знает Бог иль сатана
затеял на земле такую склоку.

Истёрли сапоги и ноги в кровь,
повывернули кости и суставы,
бежали, падали, вставали вновь
и снова шли за жизнью, не за славой.

И не догнали. Фронт ушёл вперёд,
а мы опять остались в окруженье.
Лежим в болоте. Смерть или живот
нам принесёт такое положение.

Пока мы верим, где-то там, вдали,
нас ждут свои трудящиеся братья,
они спасут, и слали, как могли,
вперёд – мольбы, назад – одни проклятья.

И дождались. Мы снова у своих,
сменив, увы, винтовки на лопаты,
паёк – на пайку, и в единый миг
мы стали зэки все, а не солдаты.

Я думаю, что нам уже не жить,
мы все погибнем в мёрзлом котловане.
Но всё равно я буду землю рыть,
чтоб победили в этот раз славяне.

МЫШЬ

На нашей кухне поселилась мышь,
животное из королевства гномов,
и сразу благодать, а с нею тишь
свое ей место уступили дома.

Она шуршала где-то у ведра,
отыскивая лакомый кусочек,
точь-в-точь как я на острие пера
ищу созвучье стихотворных строчек.

Мы возмущались, что она, как мавр,
пирует без стыда во вражьем стане,
а по ночам нас словно динозавр
спасаться заставляет на диване.

Забыли с той поры мы про покой,
счастливый сон, весёлые занятия.
Как будто вместе с мышью домовой
на нас упало божие проклятье.

И что бы делал мой пугливый род,
утративший охотничью сноровку,
когда б великий русский наш народ
не изобрел когда-то мышеловку.

ВОЛК

Я – хищник, я – волк, моё дело – разбой,
меня кормят резвые ноги.
Иду на охоту я. Братья, за мной,
сегодня услышат ликующий вой
и звери, и люди, и боги!

Меня ненавидят. И я, хоть убей,
воздать не могу вам любовью.
Вы тоже ведь кормите ваших детей,
а волки не любят ни хлеба, ни щей,
питаются мясом и кровью.

В пример вы нам ставите ваших собак:
Полканов, Дозоров и Булек.
За что их хвалить, если каждый дурак
кусоч получает и тёплый лежак,
а мы – лишь капканы да пули.

Чёрт с ними! Сегодня устроим мы пир,
хоть это нам вовсе не надо.
Пусть зубы послужат нам вместо секир,
пусть вздрогнет от нашей жестокости мир,
мы вырежем лучшее стадо.

Меня ненавидят, а я вас вдвойне,
нам нету резона брататься.
Ещё мы посмотрим на чьей стороне
победа окажется в этой войне,
пусть ночью кошмары вам снятся.

Ну, вот и сошлись мы. Я вижу, стрелок
ружьё подымает, и пуля
как будто в мишень, мне нацелилась в бок.
Спокойно! Все силы в последний прыжок...
Друзья, нас опять обманули!

ПЁС

Вам, люди, проклятия шлю во всю пасть!
Не плачу, не плачу, а вою.
Хозяин опять применил свою власть,
и что это, черти возьми вас, за страсть –
пинать всё живое.

Лижу свои раны, а злоба в груди
бурлит, словно дьяволов стадо.
Её не удержишь, хоть пруд запрудил,
она вырывается, ну, погоди,
я вспомню, когда будет надо.

Вы всё лицемерите, мы, мол, друзья...
Но что ваши «охи» да «ахи»!

Живёте и жрёте вы лучше, чем я,
и сука – хозяйская, а не моя,
и нет ни штанов, ни рубахи.

Сижу на цепи и лежу на снегу,
как самый последний пьянчуга.
Сказать бы вам всё, да, увы, не могу.
Ну, что ж, я на сердце своём сберегу
обиду на друга.

БУГАЙ

Меня хвалили: «Молодец, бугай,
к такому на рога не попадай,
подденет – и, считай, что отошёл!»
И я старался, не жалея сил,
ногами землю перед стадом рыл,
чтоб только было всем, как надо, хорошо.

Я рос и рос – породистый бычок –
воспитывал себя, как только мог,
и вырос, вроде, как на зависть всем:
красив и резв, как бык упрям,
и вес – семьсот пятнадцать килограмм,
пью то, что надо, и что надо ем.

Я в стаде вмиг желанным стал для всех,
имел у тёлочек и коров успех,
и был неукротим, как говорят.
А мой пастух Иван Бугров
имел всегда на сто коров
по сто-сто пять и более телят.

Ему уже мерещилась медаль.
Он на меня нажал, как на педаль,
и выжал всё, что надобно ему.
И вот моя нерадостная новь:
коровы не волнуют больше кровь,
и, значит, я не нужен никому.

И ждёт меня в недалёком далеке
поездка в город на грузовике,
в последний путь живьём на колбасу.
не будет ни речей и ни цветов
и ни коровы, ни пастух Бугров
не пустят для приличия слезу.

ОЛЕНЬ

Где-то в стране чудесной
живёт чудесный олень.
Он чист, как русская песня,
красив, как в цвету сирень.

Рога у него из золота,
копыта – из серебра,
а шкура, спасая от холода,
дороже любого добра.

Глаза у оленя чудные:
ни дать, ни взять – бирюза.
Слёзы только жемчужные
проливают эти глаза.

В той стране необычной
чудесный живёт народ.
Одет и обут он прилично,
имеет приличный доход.

Работают люди охотно –
щедрая там земля –
и только мало доходов
у местного короля.

Но это – дело второе.
А главное: ночь и день
ему не даёт покоя
живущий в лесах олень.

И как-то по пьяни иль сдуру
он поднял в ружьё страну:
«Хочу, чтоб оленья шкура
попала в мою казну.

Копыта пуцу на монеты,
на украшения – рога,
и спрячу в сундук от света
дивные жемчуга».

Так и не стало чуда
в сказочной этой стране,
только золота груды
прибавилась в царской казне.

Всё осталось, как прежде,
так же встаёт рассвет,
лишь в душах людей надежде
места, как прежде, нет.

Люди не верят в чудо:
нет его, извели.
Живут они вроде не худо,
кормятся от земли.

И урожаи большие
вроде у тех людей.
Только глаза пустые
с той поры у детей.

Петь разучились песни
просто так, без вина.
Так из когда-то чудесной
стала простой страна.

НЕЧИСТАЯ СИЛА

Не скажу, что её породило:
глупость Бога ли, ум Сатаны.
Только с нами нечистая сила,
по словам праотца Израила,
испокон в состоянье войны.

Запугала она селянина,
тот уже и не ест, и не пьёт.
Извелась на подворье скотина,
невесёлая это картина,
лишь петух бабам яйца несёт.

И не знаю, где мы упустили,
просмотрели иль дали лишка,
только давит нечистая сила
по больницам и по Чернобылам
нас бессилием исподтишка.

Из куста, из-за пня и коряги,
из-под койки, как псы из ворот,
лезут лешие, ведьмы и яги,
как на Русь чужеземцы-варяги
и другой некрещеный народ.

По задворкам кикиморы скачут,
мужиков обольщают на спор,
обещают машины и дачи,

предрекают по службе удачи
и иной соблазнительный вздор.

За нос водит на улице леший,
домовой одуряет в дому,
потому и в здравии бреши,
покрывают нас язвы и плеши
и родим дураков потому.

От Кощея понос нам и корчи:
зелье варит и поит народ.
Мы сдыхаем, а сам он без порчи,
молодея и делаясь зорче,
век за веком бессменно живёт.

Да и прочие нечисти тоже
норовят укусить побольней:
то не так им, и это негоже.
лезут в душу поганые рожи,
матерят беззащитных людей.

Правда, были средь нас великаны,
бились с нечистью до синяков.
Но под чарами эти Иваны
превращались порой в истуканов,
а порой и в смешных дураков.

Как бороться с исчадьями ада:
плетью, палкой, а может ружьём?

Собирайтесь, крестьяне, в отряды,
посидим, помозгуем как надо,
напряжёмся и землю спасём!

НА ОСТРОВЕ БУЯНЕ

Мне сказал сегодня в бане
Чепуштанов дядя Ваня,
что на острове Буяне
жизнь – сплошная маета.
Говорят, там депутаты
собралися в две палаты,
день и ночь ведут дебаты
без попа и без креста.

Говорит один, что людям
надо всё подать на блюде.
Вот тогда, конечно, будет
жизнь людей сводить с ума.
Чтоб поесть, поспать, помыться,
выпить и опохмелиться,
все могли у нас в столице
при желанье задарма.

Говорит другой, постарше:
«В ваших мыслях много фальши.
Надо гнать людей под марши
в царство мирного труда.

Дать вождя им для порядка,
метр ткани на заплатки,
и тогда решать загадки
мы не будем никогда».

Поддержали сразу трое.
Мол, удобно очень строим
делать что-нибудь большое,
догонять и обгонять.
Если слушаться не станут,
дать им водки по стакану
или просто, без обману,
выдать кузькину им мать.

Депутат с периферии
цифры приводил такие,
что буянские святые
тяжко охали в гробах.
Раскричался, что не стало
благородного металла,
и ни мяса, и ни сала,
и ни кожи на костях.

Возмущались депутаты:
«Растащили всё по хатам,
на воров, на супостатов
надо армию призвать.
Пусть герои-генералы
оцепляют все кварталы

и приказ дают: помалу,
но немедленно стрелять.

Чтоб в течение двух суток
перебить всех проституток,
ощипать их словно уток
и на солнышке сушить,

потому что наркоманы,
проститутки, графоманы,
как и прочие бараны,
не имеют права жить.

Тех, кто думает другое,
ходит сам себе – не строим,
тех, кто иначе устроен,
надо в шею выгонять,
прямо с острова Буяна,
за пределы Океана,
в царство гнусного Султана.
Так их всех, ядрёна мать!»

Выступлений миллионы.
Голос, вдруг, из-за колонны:
«Людам надо дать законы,
чтоб свободно жить могли.
Ведь сейчас они по сути
и раздеты, и разуты,

кто в навозе, кто в мазуте,
без коней и без земли.

Надо, каждый чтоб буянец,
пусть он даже голодранец,
как заправский иностранец
мог собою управлять.
А чинуши-бюрократы,
управленцы аппаратов,
чтоб не смели как когда-то
на крестьянина кричать».

Тут слышалось такое,
что хоть в омут с головою...
Это, точно, нам с тобою
трудно всё переварить.
Как заметил дядя Ваня,
люди с тех пор на Буяне
всё решают, как в дурмане,
и не знают, как решить.

Может, новых депутатов
рассадить в других палатах,
может, вновь открыть дебаты
и лет пять не закрывать?
Или лучше без раздора
и пустого разговора
бюрократам, хамам, ворам
хлеба даром не давать?

П.Степанову

Слышал я – папа Карло спился,
кот Базилио стал монах,
Буратино на шлюхе женился
и её утопил в мехах.

Оловянный солдатик сдуру
генералом стал, пьёт коньяк,
с балерины содрал три шкуры
и от скуки совсем размяк.

А недавно ещё услышал:
Гулливер, обнаглев как скот,
в Лиллипутии снёс все крыши
и, как муж, с Глюмдаклич живёт.

А Страшила так изменился,
что его не узнать нипочём,
он не спился и не женился,
он мечтает владеть «Москвичом».

Стал сухой, только кожа да кости,
пьёт из яблок гнилых узвар.
как-то Лев забрёл к нему в гости –
тот скормил ему Кагги-Карр.

Всё брюзжит, мол, нужда заела...
Дровосек? Тот весь ржой зарос.

Мигуны, пока суть да дело,
превратили его в пылесос.

Белоснежка всё гномов мучит,
то бранит, то страшает их,
родила от кого-то, а хочет
алименты сорвать с семерых.

На Конька-горбунка надели
хомутище, паши, мол, скот.
Говорят, через три недели
превратился он в К-700.

Дед Хоттабыч служит швейцаром,
волос вылез, гол, как скелет,
спину гнёт почти что задаром,
Волька выгнал, а пенсии нет.

У Алладина тоже горе:
джин подох, вроде пуп сорвал.
Черномор, говорят, Лукоморье
за бутылку кому-то отдал.

Как послушаешь разговоры,
волос дыбом подчас встаёт.
Слышал где-то багдадского вора
министерское кресло ждёт.

И Незнайка теперь в почёте,
получает миллионы в год,
отрастил вначале животик,
а затем и большой живот.

Правда, он не показывал норов,
всех жалел, кто нуждался в нём:
Шпунтик стал его личным шофёром,
Знайка – личным секретарём.

У Дюймовочки тоже брюшко,
всё с жуками ходила в лес!
«Не с жуками, – кричит, – с подружкой,
а живот – партеногенез».

Ух, наука! И в жизни тоже
без тебя нынче нет полёта.
За углом Добрынюшка в рожу
бьёт Горынычу из пулемёта.

А Попович за океаном
втихоря, под шумок, без апломба,
заложив в ломбарде кафтаны,
прикупил водородную бомбу.

И теперь, ухмыляясь погано,
он грозит ей, как кистенём,
видно нравится хулигану
водородным играть огнём.

А в сугробах увяз Савраска,
как и все, видно, сбился с пути.
Ох, как трудно в старую сказку
из сегодня дорогу найти.

ЧУМА

Чума я. Нет, я не скелет с косой,
и не красавица – зачем мне эта лесть.
Моя задача – властвовать толпой,
моя профессия – безжалостная месть.

Нет для меня пределов и дверей.
Где я стою, там стелются дымы.
Я не щажу ни нищих, ни царей,
нет протезе у матушки-чумы.

Я вас душу и превращаю в прах,
мне не дано любить или жалеть.
Бежать не стоит, вас нагонит страх,
конец один – мучительная смерть.

Пусть будут голод, крысы и война,
пожары, трупы, паника и бунт.
Всё это вы изведайте сполна,
вкусите лиха тонну, а не фунт.

И не молитесь бестолку в слезах,
и не творите понапрасну крест.
Я погуляю в ваших городах
до той поры, пока не надоест.

Двадцатый век меня слегка смутил
своей наукой – суетой сует.
Но я жива, я набираюсь сил
и скоро снова выберусь на свет.

Возьму, как прежде, посох и суму,
пройду Европу, Азию и Русь.
Не спите! Ждите матушку-чуму!
Я к вам вернусь, вернусь, вернусь!

ПЧЁЛЫ

Они ещё летали на Покров,
надеясь напиться хоть немного
на дальнюю и трудную дорогу
дыханьем умирающих цветов.

Они ещё пытались запasti
энергию осеннего светила,
чтоб эта увядающая сила,
как капля мёда, помогла в пути.

Возможно, чувствуя дыхание зимы,
и неизбежного с ней связанного плена,
они, покинув восковые стены,
рвались с восторгом на простор из тьмы.

И впитывали губкой на лету
последнее понятие о свете.
Оно им будет помогать о лете
хранить зимой заветную мечту.

Геннадию Ионину

Кто-то сказал красиво:
Дамы и господа,
губит людей не пиво,
губит людей вода.

Кто-то другой заметил:
Жёны уходят от нас
не потому, что на свете
делают пиво и квас.

Не потому ракеты
рвутся в небо давно,
что в погребах планеты
зреет в бочках вино.

Видно, не в том причина,
видно, не в том беда.
Женщины и мужчины,
думайте хоть иногда.

ГРУЗИЯ

Я не был в Грузии, увы,
не пил с друзьями «телиани»,
и не ломал я головы
над живописью Пиросмани,

не слышал, как поёт Кавказ
под звуки звонкой чианури,
зато читал я и не раз,
про витязя в тигровой шкуре.

Благодарю те времена,
когда был счастлив Руставели,
когда и дружба и война
в одной качались колыбели.

И славились тогда мужи
не за обжорство, не за пьянство,
не за винтовки и ножи,
не за щегольское убранство,

не за богатство, не за прыть
по устроенью сладкой жизни,
а за умение служить
прекрасной деве и отчизне.

Я не был в Грузии. Сейчас
здесь нету места для Натэлы.
Любовь покинула Кавказ,
словно душа ушла из тела.

И я скорблю. Я так хотел,
чтоб в эти горы и долины
вернулись бы и Таризл,
и Автондил, и Тинатина,

чтоб не селились никогда
здесь птицы чёрные печали,
цвели сады, текла вода,
и пили люди «цининдали».

* * *

Он уходил из жизни тихо,
спокойно, также как и жил,
чтобы никто не помнил лиха,
сам руки на груди сложил.

Собрал всех, помолчал немного:
«Ну, вот, – сказал, – и отдаю,

раз задолжал, чертям ли, Богу
я душу грешную свою».

Закрыв глаза, и отлетела
душа его куда-то в даль,
оставив родственникам тело,
а с ним заботы и печаль.

Его тихонько схоронили
в родной исхоженной глуши,
по рюмке каждому налили
за упокой его души.

Повесили венок красивый
и разлетелись кто куда.
А над могилою крапива
и вровень с нею лебеда.

И только добрые синицы
щебечут тихо в холодке,
как будто пробуют молиться
за нас на птичьем языке.

В АРМИИ

Забрали нас с завода,
и я уже в строю,
смотрю на помкомвзвода,
как на судьбу свою.

Он ходит, словно папа,
и учит салажат,
мол, попрошу не плакать,
здесь вам не детский сад.

Раз надо – значит надо:
затянем ремешки,
чтоб выдавить из зада
с повидлом пирожки.

Начальство чтоб умели
всегда узнать в лицо,
чтоб сапоги блестели,
как у кота яйцо.

Гражданские замашки
забыть, как сон, дурной.
И я уже не Сашка,
а просто рядовой.

И все мы – рядовые,
подстрижены под ноль,
ушастые, смешные –
прожорливая моль.

Наряжены в бушлаты,
замучены муштрой,
с утра уже солдаты
мечтают про отбой.

Но, к нашему несчастью,
хоть в стенку бейся лбом,
бывает в каждой части
и утренний подъём.

И всё опять сначала –
занятия на плацу.
Ах, если б мама знала,
и если б знать отцу.

Но этого по штату
им ведать не дано,
ведь мы уже солдаты
и, кажется, давно.

Мы в Армии Советской
уже четвёртый день.
Эх, фотку б для невесты
в пилотке набекрень.

ФИЛОСОФСКИЙ ВОПРОС

Один вопрос покоя не даёт,
не то, что жжёт или смертельно сушит,
а как червяк, что кочаны грызёт,
он помаленечку истачивает душу.

Вопрос тот философский, и ответ
никто ещё не дал в учёном свете
за многие десятки тысяч лет
существования жизни на планете.

Зачем живём мы? – Вот простой вопрос,
который в руки не давался многим.
Его решали Иисус Христос,
Аллах, Будда и греческие боги.

Но не решили, и свои труды
они отдали людям на мученья:
через страдания кто-то стал святым,
а кто-то отказался от спасенья.

Весёлый Эпикур, божественный Платон,
рациональный Кант и мудрецы марксизма
пытались отыскать, но не нашли закон,
сумевший бы раскрыть причины жизни.

Но, я боюсь, придёт-таки мудрец,
который сможет ухватить удачу
и, поднатужась крепко, наконец,
расколется, как орех, мудрёную задачу.

И мы увидим вдруг, что наша жизнь – пустяк,
вселенская забавная игрушка,
живут не для чего, а существуют так,
и человек, и лев, и жалкая лягушка.

Вот почему покоя не даёт
вопрос вопросов мирозерцания,
пусть всякое создание живёт,
не понимая суть существования.

А чтобы не казалась жизнь пустой,
пусть каждый для себя, по своему суждению,
ответит на вопрос, сам по себе простой,
но в целом не имеющий решения.

НЕЖДАННЫЙ СНЕГ

И вот внезапно выпал снег,
как и положено в Сибири.
На шапках модниц – белый мех,
сапожки – словно бы в пломбире.

Снег по полям и по лесам
накрыл неожиданной белизною
где сена клок, где грязь и хлам,
где ямку с жухлою травой.

Но, как у нас заведено,
среди болтовни и пересудов
не ждали снег, будто давно
такого не было здесь чуда.

Не убран в поле урожай,
не загнана в хлева скотина,
с раскрытой крышею сарай –
во всём знакомая картина.

И даже, вижу, ноготки
ещё увянуть не успели,
горят их жёлтые цветки,
как свечи в снеговой постели.

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Мы ходили под стол ещё пешими,
затыкали нам рты ещё сосками,
но мы всех уже слали к лешему
и хрипели уже под Высоцкого.

Мы хотели казаться модными,
если яйца назло всем пасхальные,
и как в бой, мы из однородного
прорывались в индивидуальные.

Называли нас зло стилиягами,
предавали вовсю проклятиям,
как и прежде, пугали ГУЛАГ,ами
за любимые наши занятия.

Хоть одни затихали с годами,
но другие росли голосистыми,
называть одних стали поэтами,
а других, как и всех, коммунистами.

Схоронили давно уже Галича,
потеряли нелепо Высоцкого,
жизнь настала не то, что давеча:
бездуховная, полускотская.

И опять она всех озадачила,
поделила на части неравные:
и одни с мерседесами, с дачами,
а поэты опять бесправные.

Безусловно, и мы не прежние —
постарели былые романтики,
но вопрос не решился, а с кем же мы,
мы — стилияги-шестидесятники.

* * *

Ах, какой неожиданный вечер,
снова музы прилетали...
Декольте, причёски, плечи
и бедлам, как на вокзале.

Посидели, пошептались,
похихикали украдкой.
После них со мной остались
два стиха в моей тетрадке.

* * *

Существует и такое мнение:
будто в наш рациональный век
написать два-три стихотворенья
может всякий умный человек.

Голосую полностью за это:
ум не разменяешь на гроши.
Всё он сможет, только стать поэтом
трудно ему будет без души.

* * *

Поэту нечего стесняться.
Ему от Господа дано
одно умение: влюбляться
в красивых женщин и вино.

Поэт усердно служит музам,
не менее усердно пьёт.
Он сам себе уже обуза,
но любит он и тем живёт.

НОЧЬ

По небу ночному, скользнув без следа,
в Лету упал простая звезда.
Люди с надеждою на состраданье
свои ей успели поведать желанья.

Судите-рядите звезду, но она
не в силах исполнить их просьбы одна.
И чтобы тем людям хоть как-то помочь,
решила остаться без звёзд нынче ночь.

ВЕСНА

Идёт по улице девчонка
с зелёной веточкой в руках.
Лиловым венчиком юбчонка
колышется на стебельках.

Она разбрызгивает лужи,
ребячьей радости полна,
сегодня голову ей кружит
своим признанием весна.

* * *

В воскресенье и субботу,
и среди недели
веют вьюги отчего-то
и метут метели.

А снежинки, как пушинки
тополева цвета —
ежедневные поминки
умершего лета.

Я сижу возле камина,
попиваю пиво.
После доброго помина
лету б быть на диво.

Пусть мольба моя об этом
долетит до Бога,
ведь греха большого нету
попросить немного.

* * *

Новый мир точно так же, как старый,
изотрётся временем в прах,
и песком пустыни Сахары
закачается на ветрах.

Так что знайте, мои правнуки,
может быть, через тысячи лет
вы, играя песком, сквозь руки
сеять будете мой скелет.

* * *

Да, у меня опять запой:
я пью, считай, вторые сутки.
Не спирт, не водка предо мной,
не пиво, а Иосиф Уткин.

Ахматова — а не коньяк,
Омар Хайям — а не настойка,
и не вино, а Пастернак.
Какая славная попойка!

* * *

Запах осени – запах земли,
увядающей и скорбящей.
Треугольные журавли
и раздетые ветром чащи

ждут чего или просто ныне
закручинились до весны.
Как на крыльях, на них из сини
опускаются мокрые сны.

БЮСТ

Из разукрашенного гипса
или из бронзы пустозвонной
мне бюст вождя во сне не снится,
но бюст красавицы влюблённой
до ласк бессовестных охоч,
перед глазами день и ночь.

ГОРБУША

Стремясь традиций не нарушить,
не спутать божью игру,
плывёт влюблённая горбуша
к истоку выметать икру.

Там, говорят, вода теплее,
там ждут пловчиху и пловца.
И нет навязчивей идеи,
и нет печальнее конца.

Не знают тягостней картины
ни воды, ни земная твердь,
когда сливаются в едино
рожденья таинство и смерть.

И не понять в порыве страсти,
в биении любящих сердец,
несчастье это или счастье –
найти на родине конец?

Порой, мы тоже ощущаем
в своих сердцах влекущий зов
и сразу остро вспоминаем
деревню, Родину, любовь.

Кидаем вещи в чемоданы,
бегом – на поезд, в самолёт.
Нас так же, как и рыбу, странно
исток чарующий зовёт.

И счастье это иль несчастье,
пройдя пороги и бои,
в родной деревне в одночасье
закончить странствия свои?

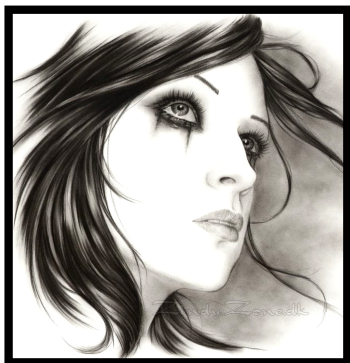
К МОРЮ

Здравствуй, море, я рвался сюда
из забытого богом села,
чтоб твоя голубая вода
меня в лоно своё приняла.

По утрам я на берег спешил,
любовался седою волной,
но чем больше тебя я любил,
тем острее хотелось домой.

ОДОЛЕНЬ-ТРАВА

* * *

Я иду по цветущему лугу,
хорошо и светло, как в раю,
незабудки поют мне как другу
немудрённую песню свою.

Я шагаю хмельной и беспечный,
закавав по колени штаны,
улыбаюсь ромашке аптечной
и подругам её озорным.

Всё в природе красиво и мудро,
хоть стихи или песни слагай,
про такое вот доброе утро
и такой замечательный край.

Я вприсядку пускаюсь с цветами,
никакого запрета мне нет,
ведь стрекозы не зря с мотыльками
тоже рядом танцуют балет.

Я кружусь на лугу каруселью,
от восторга валяюсь в траве
и картины пишу акварелью
в беззаботной своей голове.

* * *

Словно косы в космы расплетённые,
словно пальцы рук переплетённые,
как котёнком спутанный клубок,
корни, под землёю погребённые,
славой и величием обойдённые,
кормят в неге выросший цветок.

* * *

Зачем смеяться, если всё так грустно,
зачем грустить, когда весь мир смешон.
Да здравствует великое искусство,
смеяться громко в дни сорокоуста
и слёзы лить под старый патефон.

* * *

Всегда рождала подлецов земля
в достаточном количестве на брата:
по генералу вышло на солдата
и по погонщику на каждого коня.

* * *

В твоих глазах огонь шальной:
взглянула – и горю свечой.
В губах же клей. Прильнул я к ним,
приклеился и стал твоим.

* * *

Мне жить с тобой и без тебя невмочь:
неясно всё, как действие в балете.
Ты улыбаешься, но только на портрете,
а в жизни хмуришься и гонишь меня прочь.

* * *

Хмель, наверное, бродит во всём.
мы с тобой целовались украдкой,
наливались наливкою сладкой
и хмелели от счастья вдвоём.

* * *

Я каждой женщине гляжу вослед
и девушек глазами провожаю.
Ты не ругай за это, дорогая,
смотреть меню – не значит есть обед.

Л Е Т О

1

Закружилась земля
в блеске лунных фантазий
всё быстрее и быстрее.

Так кружится юла
под ребячьей рукой,
иль танцует в экстазе,
захмелев от восторга,
на сотах медовых пчела.

И от гонки такой
стали ночи намного короче,
стали зори бывать
друг у друга в гостях,
пить вино или чай,
говорить меж собой по полночи
и, как знак randevu,
поднимать в небо розовый флаг.

Светлым дымом цветов
затянуло луга и поляны,
божьей свечкой горит
на опушке лесной иван-чай,
ходим мы по земле
от круженья её как в дурмане,

СЛОВНО КТО-ТО НА НАС
ВЫЛИЛ БОЧКУ ВИНА НЕВЗНАЧАЙ.

Наши девушки вдруг
потеплели и стали смешливы,
в кружевах сарафанов
расцвели, как лесные цветы,
и завидуют им
чёрной завистью старые ивы,
и роняют росинки,
как слёзы, на них с высоты.

А когда-то они
тоже были стройны и пригожи,
точно также могли
волновать чьи-то души собой:
тёплый дождь, умывая,
ласкал им бессовестно кожу,
и бесстыдник туман
ноги гладил холодной рукой.

А сейчас возле ив
обнимают мальчишки подружек,
их сердца, как оркестр,
играют любовь в унисон.
Смотрит небо на них
яркой россыпью спелых веснушек,
а кузнечик под музыку
пробует свой баритон.

До чего хороши
тёплых дней кружевных перезвоны,
точно кто-то мой край
светлой музыкой напрочь залил:
колокольчик ветрам
отдаёт с уваженьем поклоны,
и цветёт незабудка,
чтобы лето никто не забыл.

2

То дождя холодящие стрелы,
то тумана печальная мгла.
Надоело, ох, как надоело
жить без лета, любви и тепла.

Мне б сейчас пробежаться по лугу,
по цветущей, как в сказке, траве,
закружить в белом платье подругу,
словно облачко в синеве.

Мне б побольше стихов, а не прозы,
чтоб с русалками юными лес,
где танцуют под солнцем стрекозы
вальс лесов и полей полонез.

Я по-детски мечтаю об этом –
о счастливой любви и тепле.
Где ты, доброе томное лето, –
светлый миг на холодной земле?

ТЁПЛЫЙ ДОЖДЬ

Расчесал он берёзу на ровный пробор
гребнем тёплым тягучим, как песня,
мило с ней поболтал, и пустой разговор
показался ей сказки чудесней.

Возле ног её выткал узорный палас
из воды и цветов позолоты,
чтобы с ветром танцуя согласия вальс,
любоваться ручною работой.

Как стаканы с гулянки он вымыл цветки,
опрокинув, повесил сушиться,
побродил по кустам, добежал до реки,
видно, тянет водицу к водице.

Добежал до опушки и за нос грибы
потянул из земли на свободу,
и подставили дождику медные лбы
сыроежек рябых хороводы.

Разобиженный душем неожиданным паук
чертит сеть для пиратской охоты,
копошится профессор паучьих наук,
впрок готовит урок для кого-то.

Спохватившись, бежит по воде муравей,
как солдат по военной тревоге,

нелегко мурашу на лохматой траве
рисовать лабиринты дороги.

Вот и ветер дохнул, как со школьной доски
вытер тучи рукою ребёнка.
Тихо радуга, выгнувшись, пьёт из реки
тёплый дождик цветным жеребёнком.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождь замешкал на минутку,
и тот час же без помех
чистотою незабудки
небосвод расцвёл для всех.

Старой марки легковушка,
искупавшись под дождём,
как проказница девчушка
подмигнула мне огнём,

раздурачилась, игриво
спину выгнула дугой,
на прохожих шаловливо
тёплой брызнула водой,

покатила всё быстрее,
засверкала как хрусталь.

Тучки глупые за нею
потянулись тоже вдаль.

Солнце землю осмотрело,
а немного погода
стало делать своё дело -
греть её после дождя.

ОСЕННИЙ БАЛ

Осенний ветер тасует тучи
вздымает листьев девятый вал,
нас приглашает на самый лучший
на ежегодный прощальный бал.

Летите, птицы, спешите, люди,
смотрите в оба, вас чудо ждёт,
сегодня с летом прощаться будет
лесная братья, лесной народ.

Здесь принцы крови – дубы и вязы,
ольха с березой – дуэт принцесс,
рябина с кедром – княгиня с князем,
и люд попроще – сосновый лес.

Под вздохи ветра, глухие всхлипы,
под тайный шепот вязель-дождя

вступают в танец сосна и липа,
осинку за руки на круг ведя.

Она, смущаясь, дрожа от страха,
вся, покрасневшись, словно вино,
вдруг закружилась, так в пальцах пряжи
кружится весело веретено.

За ней берёзка в нарядном шелке
ладьёй по жухлой траве плывёт,
а следом ниточкой за иголкой
подружек тронулся хоровод.

Им рукоплещут седые ели:
«Почин прекрасен, хорош пример.
Ну, что зарделись, мадмуазели?
Здесь каждый – рыцарь и кавалер».

Шагнули к дамам дубы и вязы,
степенно вышел красавиц клён.
Дождь сыпал сверху на них алмазы,
а ветер песни играл в тромбон.

Давай станцуем и мы, родная,
к нам тоже осень, как в лес пришла:
я весь в морщинах, и ты седая,
всё ближе к стуже идут дела.

Ты летним ветром ко мне прильнула,
согрела душу живым теплом.
Стояли сосны, как в карауле,
и лес был домом, и лесом дом.

Танцуйте, дамы и кавалеры,
пускайтесь в пляску и стар, и мал,
держитесь за руки, как за шпалеры,
ещё не кончен осенний бал.

ОСЕНЬ

Отзвенели летние денёчки
золотистой солнечной струной,
и берёзка в жёлтенькой сорочке
говорит по-своему со мной:

«Разлюбила? – Горевать не надо! –
Не пришла? – И это не беда.
Я одна ведь тоже, но в награду
ты ко мне заходишь иногда».

Ах, берёзка, жалостные речи –
для меня бессмысленная муть.
Дай-ка обниму тебя за плечи,
припаду, как матери, на грудь.

Вовсе не грущу и не рыдаю:
у меня красавиц полный лес.
Я пройду его с конца до края,
словно путник по стране чудес.

Загуляю сам себе на воле,
ну, а если упрекнут – тогда
я скажу, что сердце обезболить
надо человеку иногда.

И опять ломлюсь напропалую,
видно, это мой особый путь –
целовать берёзку молодую
и ласкать берёзовую грудь...

Отрезвел я, голова, как бочка,
стыд в душе и беспокойный страх.
У берёзки порвана сорочка,
слёзы серебрятся на ветвях.

КУДРИ

Это ещё не конец, но крамола,
повод для будущих смут.
Кудри арабскою вязью до пола,
словно стихи, по бумаге текут.

Жаль, что читать не могу по-арабски,
не изучал, как на грех, впопыхах,

мысли её, как стихи или сказки,
я бы прочёл не по-русски в кудрях.

Нет мне теперь ни минуты покоя,
всё я боюсь, что читатель другой
кудри её, словно книгу раскроет,
и прочитает их смелой рукой.

Тает надежда последней снежинкой.
Может, поможешь мне снова, весна?
Ты подвяжи ей туман, как косынку,
чтоб не смущали людей письма.

НОЧЬЮ

Месяц рыжий и щербатый –
озорной пацан –
завалился спать на хату,
словно на диван.

На него лохматый Шарик
лает во всю пасть,
видно, хочет к божьей твари
на рога попасть.

Возле хлева дремлют гуси,
что им до Луны!
Слава, Господи Иисусе,
что приносишь сны.

Думу думает корова:
«Месяц как хорош!
На телёнка небольшого
издали похож.

Пробежал бы хоть по крыше,
почесал бочок».
Слышал месяц иль не слышал,
знает только Бог.

За деревней ткут из дыма
серый холст костры,
пролетают в страхе мимо
тучей комары.

По муравленной тропинке
Вася-Василёк
ненаглядную Иринку
вёл под кренделёк.

Задержались у беседки,
простояли час,
целовал сосед соседку
много-много раз.

Потекла в крови истома,
музыке под стать.
Месяц всё ворчал над домом:
«Не дадут поспать».

НАТАША

– Что случилось? – Нет Наташи. –
Где она? – Не можем знать. –
Так не стойте, мать вашу,
надо ж девушку искать.

У родни узнайте толком,
может, есть какой-то слух.
Человек ведь не иголка,
не соринка и не дух.

Обзвоните, обойдите
всех знакомых и друзей,
сколько надо заплатите
за известие о ней.

Что за мука, что за пытка
вспоминать из раза в раз,
как стихи, её улыбку,
встречи наши – как рассказ.

Люди добрые, ищите,
где и как – мне всё равно,
если знаете – скажите...
– Она замужем давно.

ВЕЧЕР

1

Ну-ка, сядем, лапушка,
на скамейке рядышком,
станем разговаривать
про свои дела.

Я – почти что дедушка,
ты – почти что бабушка,
хоть пора печалиться
вовсе не пришла.

Вспоминаем молодость –
прошмыгнула белкою,
как заря вечерняя
отпылала страсть.

Мы уже не прячемся,
как сосед с соседкою,
можем разговаривать
на скамейке всласть.

Про дела домашние
говорим обыденно:
грядки, вот, не полоты,
не идут дожди,
комаров на улице
видимо-невидимо,
завалилась изгородь,
хоть не городи.

Дети не приехали –
обещали к Троице –
моя дочка Настенька

да твой сын Иван,
перестройку вспомнили –
вот так перестроились –
всё в России-матушке
глупость и обман.
От реки повеяло сыростью,
как с кладбища,
солнце успокоилось,
улеглась жара,
стадо возвращается,
слава Богу, с пастбища,
да и нам, наверное,
по домам пора.
Ах, ты, моя милая,
что же мы наделали!
Хоть о том, что минуло,
горевать грешно.
Ты калиткой стукнула...
Занавеска белая,
как невеста грустная,
всё глядит в окно.

2

Ах, какой ты милый
и какой ты глупый,
близкий и далёкий,
жалкий и чужой,
если б знал, как хочется
выпить твои губы,

по лицу усталому
провести рукой,
увести куда-нибудь
далеко за реку,
чтоб траву заречную
горячо примять.
До чего же надобно
мало человеку,
но и этой малости
не у кого взять.
Ты слова хорошие
говоришь про то же,
на скамейке рядышком,
как всегда сидим,
говорим о юности,
что-то сердце гложет,
как глаза усталые
от кострища дым.
Я всё время думаю,
как же это вышло,
что живёшь ты рядышком,
всё-таки не мой.
Точно как на дереве
лакомая вишня,
хоть вставай на цыпочки —
не достать рукой.
Как же не заметили
мы с тобой друг друга,
как пути-дороженьки

наши разошлись,
то ли снегом-холодом
замела их вьюга,
то ли дождик-слякотник
загубил нам жизнь.
На село негаданно
опустился вечер,
хочется-не хочется,
но домой пора.
Вопреки поверию
время плохо лечит,
значит, снова мучиться
будем до утра.
Я иду усталая
к дому по дорожке,
словно из бокала бы
допила вино.
Милый ненаглядный мой,
посиди немножко,
погляди украдкою
на моё окно.

КОМЕТА

По каким закоулкам ты шастала
и зачем тебя вдруг занесло,
чудо-юдо в полнеба хвостастое
к нам на землю и в наше село.

Ты висишь над соседнею улицей
 необычна и очень мила,
как красивой девчонкой любитесь
 на тебя половина села.

Да и ты, как я вижу, стараешься
отличиться от наших звёзд,
деревенских красавиц чураешься,
расфуфырив на зависть им хвост.

А они, покраснев от смущения
за свой скромный неброский наряд,
как цветы первоцветы весенние
 всё теплее и ярче горят.

И всё чаще мальчишки влюблённые
 выбирают в небесном саду
звёзды нашей деревней возвращенные,
 а не модную суперзвезду.

* * *

Сидел у старой хибары
на камне, уснувшем во мху,
бледный измученный парень
 в куртке на рыбьем меху.
Он ждал терпеливо подругу
 часы, недели, весь год.
Солнце прошло по кругу

не раз голубой небосвод.
Уж камень рассыпался прахом,
а девы всё нету и нет.
Там кудри ей вьёт парикмахер,
здесь ждёт её верный скелет.

ПРИВОРОТНОЕ ЗЕЛЬЕ

Приходи ко мне скорее,
ведь не зря искала я
для тебя у чародея
приворотного питья.
Долго он его готовил,
на огне варил семь дней,
и не спал над тем настоем
всю неделю чародей.
Он шептал над сон-травой,
корешки в котёл бросал,
вместе с «волчею корою»
«глаз вороний» растирал.
У костра колдун молился:
«Приверни, моё зельё,
мила друга к молодежи
на совместное житьё».
Чуть живая прибежала
ночью страшною домой,
душу я в лесу сменяла
на свидание с тобой.

Только я и не жалею,
нет мне жизни без любви.
Пей же зелье чародея
и скорей к себе зови.

* * *

Не скажу тебе ни слова,
уйди, коль по добру.
От несчастья такого
я, надеюсь, не помру.
Не разлягусь в домовине,
я ещё, ядрена мать,
должен сена дать скотине,
от крылечка снег убрать.
Расколоть дрова и баню
истопить, чтоб банный дух
сдул с души тяжёлый камень,
словно тополевы пух;
постелить постель и, может,
выпить чуть для куражу.
Если ты придёшь – ну, что же
я ни слова не скажу.

ПЛАЧ ОТЦА

Я сегодня не таю
грусть-кручину,
дочку замуж выдаю
на чужбину.

На чужбину далеко
на край света.
Ох, поверьте нелегко
сделать это.
То же, что в саду сорвать
цвет пригожий.
До чего ж она на мать-
то похожа.
та нога и та рука,
те же жесты,
краше не было пока
здесь невесты.
Я смотрю и не могу
насмотреться,
только слёзы всё бегут
прямо в сердце.
И щемит его, и жжёт,
и терзает,
и когда та боль пройдёт,
я не знаю.
Ах ты, доченька краса,
милей милой,
как косой траву, отца
ты скосила.
Мне не в радость белый свет,
не в удачу.
Я молюсь на твой портрет
и всё плачу.
Что нашла ты в том краю,

на чужбине,
здесь жила бы, как в раю,
как в малине.
Дочка, доченька моя,
в дальнем крае
твоя новая родня –
вся чужая.
Может, станет обижать
смеха ради,
и свекровка-то не мать
не погладит.
Поживи ещё чуть-чуть
вольной птицей,
смотришь, здесь когда-нибудь
приземлишься.
Здесь вокруг одна родня:
дяди, тёти.
Я умру – вы без меня
проживёте.
Прошептала тихо дочь:
«Милый папа,
я с тобою жить не прочь,
ты б не плакал.
Без тебя мне жизнь не в раж,
не в удачу.
Я сама неделю аж
горько плачу.
Всё реву и не могу
нареветься,

слёзы падают на грудь
прямо в сердце.
Знаю я, что там вдали –
всё чужбина,
буду жить я без родни,
как былина.
Может, станет нелегка
моя участь,
и к тебе из далека
не домчусь я.
Но без милого, отец,
много хуже,
ухожу я под венец
прямо к мужу.
Улечу с ним в дальний край
птицей сильной.
Ты мне, папа, пожелай
лёгких крыльев».

ТОСКА – ПЕЧАЛЬ

Как на море-океане
да на острове Буяне
возле дуба на поляне
красна девица сидит,
умывается слезами,
как святой пред образами,
укрывается руками,
грусть-тоска её томит.

Ну, зачем, скажи, кручина,
ты измучила дивчину,
иссушила, как былину
сушит жаркий суховей,
угони свои печали
ты в заоблачные дали,
чтоб они не обижали
никогда простых людей.

Если вздумаешь остаться
и со мною потягаться,
то тогда святого старца
я на помощь призову.
Он приблизится к девице,
скажет: «Надо помолиться,
как же так могло случиться,
что ты грезишь наяву?»

И заплачет горько дева,
как в темнице королева,
обошли, мол, справа-слева
думы чёрные меня.
Опьянев от полной власти,
душу рвут они на части,
и она горит от страсти
и сгорает без огня.

Скажет старец: «Что ж, дивчина,
поборюсь с твоей кручиной
и кнутами, как скотину,
угоню отсюда вдаль.
И тогда засвищут птицы,
друг твой вздумает жениться,
на тебе, краса-девица,
и пройдёт твоя печаль».

* * *

Сегодня небо синее,
как у тебя глаза,
и мы с тобой счастливые,
счастливее нельзя.

На небе нет ни облачка,
и так же мы чисты.
Твоя цветная кофточка,
как на лугу цветы.

Приветная улыбочка –
не девичья игра.
Гуляем мы в обнимочку
до самого утра.

Тебя зову любимой я
и радуюсь сполна.
Глядит на нас, завидуя,
печальная луна.

А звёзды, словно семечки,
так просятся на зуб.
Шепнула на скамеечке:
«И ты мне тоже люб».

До зореньки милуемся,
не жизнь, а просто рай.
Захочем – поцелуемся,
как будто невзначай.

И ангелом хранимые
смеёмся над собой:
«Стань мне женой, родимая. —
Пожалуйста, родной».

МЕЧТА

Она мечтала о том мгновенье,
когда в аллее, где листьев рой,
ей повстречается, как провиденье,
высокий добрый и молодой.

Он скажет нежно: «Вы так красивы,
к лицу Вам шляпка и сарафан,
а если хочется Вам стать счастливой,
прошу к венцу Вас со мной, мадам».

Он взглянет томно, прошепчет страстно,
ища улыбку в её глазах,
и станут небо и мир прекрасны,
точь-в-точь как пишут про них в стихах.

А солнце жжёт ей худые плечи,
терзает шляпу и сарафан.
Она торопится, спешит на встречу:
мечта – неправда, но не обман.

* * *

Ты подошла ко мне и прошептала:
«Я так люблю...». И взгляд твой был красив,
что сердце мотыльком затрепетало,
в безумном танце крылья распрямив.

Я затаился, я ступить не смею,
чтоб не спугнуть удачу в этот миг.
Так перед бурей в страхе глупом млеет
невежественный верующий мужик.

Ах, сколько лет я жаждал этой встречи
и этих слов, солгать не даст Господь.
Ты, словно доктор, душу мою лечишь,
бальзамом счастья поливаешь плоть.

Мир засиял средь темноты кромешной.
Твои слова, как добрые стихи.
Ресницы уронив, сказала ты с усмешкой:
«Я так люблю... французские духи».

ТРУБКА СТЕПАНА РАЗИНА

Думу думал атаман,
как всегда с любимой трубкой.
Говорят, связал Степан
с ней судьбу свою не в шутку.

Но скользнула невзначай
трубка за борт, словно рыбка.
«Казаки, не подкачай,
здесь, скорей всего, не глыбко».

Раздевались казаки,
кто шустрее – те в одежде
дна искали у реки,
да, видать, не вышли рожей.

Не схотела Волга-мать
отдавать назад потерю.
«Будем день и ночь искать,
воздаётся-то по вере».

Но ничто не помогло,
пусто, как в худом кармане.
За ночь много утекло
и воды, и ожиданий.

Закручинился Степан.
Казачи всю ночь не спали,
раз в печали атаман,
есть причина для печали.

Предлагали казаки
трубки разного фасона.
«Дураки вы, дураки,
трубки ваши – ваши жёны.

И не смейте отдавать
их ни другу и ни брату,
мне же счастья не видать,
сам во всём я виноватый».

Ах ты, матушка-река,
знала ль ты про бунт казачий,
что Степан без табака
растерял свою удачу?

И не царские стрелки
победили вольных братьев,
а красавицы реки
то ли зависть, то ль проклятье.

Говорят, где уплыла
трубка рыбкой золотою,
плачет древняя ветла
над могучею рекою.

Может, просит у реки
для народа лучшей доли:
чтобы жили казаки,
как положено, - на воле;

чтобы жизнь была полна
хлебом, домом – не иначе,
чтоб у каждого – княжна,
и у каждого – удача;

может, плачет о судьбе
вечной памяти Степана?
Где же нынче голытьбе
взять такого атамана,

чтобы снова сотрясти
все основы барской власти.
Прежде надо бы найти
трубку Разина на счастье.

ПОСЛЕ ОХОТЫ

*«Идёт охота на волков, идёт охота
на серых хищников матёрых и щенков...»*

В.Высоцкий.

Вы помните охоту на волков?
Я егерей тогда оставил с носом.
Одним прыжком, уйдя из-под флажков,
решил неразрешимые вопросы.

Я крикнул всем: «Смотрите на меня
и делайте такие же движенья,
мы ускользнём все вместе от огня
и запросто уйдём из окруженья.

Забудьте страх, наш звёздный час пробил,
сегодня жизнь поставлена на карту».
Я не жалел на этот раз ни сил,
ни куража, ни страсти, ни азарта.

И я ушёл, судьбе наперекор,
казалось бы, есть повод веселиться,
но за спиной остались, как укор,
погибшие щенки и мёртвые волчицы.

Теперь кляню безумный свой прыжок,
я рвался зря из жил и сухожилий.

Ах, если б был на свете волчий бог
со мной луна и звёзды бы завывли.

Но бога нет. Темно, хоть глаз коли.
Иду опять знакомою тропюю,
и там, где пахнет кровью от земли,
отчаянно и безутешно вою.

* * *

Моя милка милая распустила косыньки,
по лицу размазала слёзы кулачком:
«Убегу я к батюшке от тебя постылого,
от тебя несносного мышью полевой.
Выпорхну из форточки птичкой горемычною,
с жалобною песнею полечу туда,
где родная матушка выплакала глазоньки
над моей несчастною горькою судьбой».
«Не кручинься, девонька, моя милка милая,
нам ли беспокоиться, нам ли горевать.
Для тебя единственной я поближе к вечеру
в кошеву узорную запрягу коня,
сядем в неё рядышком, подстегнём буланого,
колокольчик весело затрезвонит песнь.
Мы приедем к батюшке и родимой матушке,
то-то будет радостно на душе у всех».
Моя милка милая улыбнулась весело,
уняла кручинушку, заплела косу:
«Я б тебя, любимого, дни и ночи слушала,
до того ты умные речи говоришь».

ЗВЁЗДЫ

В тишине печальной и морозной
ангелами вытканый узор.
Я весь вечер изучаю звёзды,
слушаю их тайный разговор.

Узнаю их, как в толпе знакомых
узнают за тысячу шагов,
радуюсь, что нынче много новых
засветилось Божьих светляков.

Я и сам хочу на небо страстно
потому, что в суете земной
чувствую себя предельно ясно
кем-то в грязь затоптанной звездой.

ВАЛЬС-БОСТОН

В гостях у Верочки одни лишь девочки
да виды видевший патефон,
танцуют шерочки и машерочки
старее старого вальс-бостон.

Заводит Зиночка опять пластиночку
одну и ту же который год.
Она за Митеньку сегодня Ниночку
подругу верную на круг ведёт.

А рядом Оленька танцует с Поленькой
на свой особенный чудной манер.
Учил когда-то её Николенька
товарищ верный и кавалер.

Смуглянка Тонечка кружит легонечко
белянку Машеньку, как во сне.
А где же мальчики – друзья и дrolечки?
Они остались на той войне.

Танцуют девочки-пенсионерочки
погибших мальчиков вальс-бостон.
Салфетки старые и этажерочка
глядят по доброму на патефон.

Про встречи нежные поёт по-прежнему,
рыдая музыкой, старина.
Кружатся девочки одни с надеждою,
для них не кончена ещё война.

ВИНО ИЗ ОДУВАНЧИКОВ

Вино из одуванчиков – особое вино.
Его пьют мудрецы и маленькие дети,
кто любит жизнь и кто живёт на свете,
как Богом испокон заведено.

Вино из одуванчиков – целительный нектар
от всех недугов и душевных хворей,
как доброе лечащее море
иль русской бани духовитый жар.

Вино из одуванчиков не потчуют гостей
из рюмок дорогих и вычурных бокалов
в фамильных замках и шикарных залах
среди золота и дорогих камней.

Вино из одуванчиков в подвалах не хранят,
как виноградный сок не мучают в неволе,
чтобы потом хвалить бессовестно в застолье
раздавленный ногами виноград.

Вино из одуванчиков не купишь за рубли
и не займёшь у друга для веселья.
О нём мечтают втайне короли,
надеясь на него, как на спасенье.

И шлют они на край земли гонцов
в неведомые страны и пределы,
чтоб укрепить свой дух и чахнувшее тело
вином чудесным из простых цветов.

И бродят по земле, как призраки, гонцы,
хотят найти вино и выполнить приказы,
но золото, чины и царские указы
не открывают чудные ларцы.

Вино из одуванчиков... Да есть ли где оно?!

Откуда про него известно всё поэтам?

Гонцы уже иссохли, как скелеты,
и грозные цари нашли покой давно.

А на земле вовсю цветёт весна,
благоухая яростно и пряно!
Пчела за мёдом рвётся на поляну,
вином из одуванчиков пьяна.

На камнях музицирует ручей.
Поля, вином живительным политы,
беременны уже тяжеловесным житом
и радуются тяжести своей.

Идут девчонки стайкой по цветы,
плетут венки из жёлтых первоцветов,
вином пахучим их встречает лето –
вином любви и юной красоты.

Вино из одуванчиков – незримое вино.

Идите в лес, себе вина налейте,
душой бессмертной тот напиток пейте,
пусть лечит вас и веселит оно.

ДАМА ПИК

Чёрт возьми, да разве это драма,
чтобы в плач или истошный крик?

Из колоды утащили даму
не простую, а чертовку пик.

Может, кто по глупости иль пьяни,
или кто за крупный интерес,
королеву дьявольских желаний
увели, как шпагу за эфес.

Королеву лжи и вечной муки,
чёрных мыслей и коварных дел
вытащили чьи-то шулерские руки,
раскрутив картёжный беспредел.

«Слава Богу, - заявили дамы
всех других оставшихся мастей, –
ведьма с возу, значит, меньше срама
и ненужных пиковых страстей».

Короли поспорили немного,
но решили, что, в конце концов,
пусть ей будет скатертью дорога,
и попутно дуют семь ветров.

«Хватит склок и ежедневной ссоры,
подозрений, желчи и бузы,
хорошо, что есть на свете воры», —
заклучили разговор тузы.

Чёрт возьми, да разве это драма?!
Дама пик — капризна и низка...
Жалко лишь, что без чертовки дамы
не сыграешь даже в дурака.

ИВА

Распустила косы ива,
словно в песне, у реки.
Что красиво, то красиво
не наврали старики.
Но зачем ты смотришь в воду?
Не тревожься, не журишь.
У российского народа
тоже пакостная жизнь.
Тоже в пору утопиться,
прыгнуть в омут с головой.
Нет, родная, не годится
так глумиться над собой.
Проплывут по небу тучи,
изотрётся в пыль печаль.
Так что ты себя не мучай,
не язви себя, не жаль.

Пусть случится, что случится,
улыбнись, пойдём со мной,
станем вместе веселиться
и смеяться над бедой.
Сделай модную причёску,
вытри мокрые глаза
и давай назло берёзкам
на ночь спустим тормоза.

КАКТУСЫ

Они растут, к себе вниманья
не привлекая красотой,
ни чистотой благоуханья,
ни философской простотой,

на них ни почки, ни листочка,
ни стебелька и ни ветвей.
Они сидят себе в горшочках,
укрывшись пылью от людей.

И так бы, может, прозябали
они, как в ссылке короли,
когда б однажды в нашем зале
нежданно вдруг не расцвели.

И мы застыли в восхищенье
от необычной красоты,

от колдовского превращения
уродцев в дивные цветы.

Так безобразная девчушка
однажды волею небес
на удивление подружкам
идёт принцессой под венец.

ЛЕШИЙ

Старый леший притомился,
прошагал десяток вёрст.
Кто б, скажи, ещё пустился
в дальний путь в такой мороз?

Вся другая нечисть ныне,
схоронясь, в тепле сидит,
чай гоняет из полыни,
повышает аппетит.

Забавляется в картишки,
ставит весело на кон,
кто орех, кто гриб, кто шишку,
кто пучок травы вдогон.

Старый леший сел под елью,
съел сухой рябины гроздь.
Нет, друзья, не от безделья
он пошёл в такой мороз.

Молодёжь, поди, не знает,
что таким холодным днём
смерть с косою в тайге гуляет,
как разбойник с кистенём.

И налево, и направо
косит острою косою
не для дела – для забавы,
как бурьян, народ лесной.

Потому-то старый леший
и пустился в дальний путь,
присмотреть за глупой векшей,
зайца с птицами вспугнуть.

Пусть не спят, а держат уши
на макушке узелком,
чтобы смерть-старуха души
не взяла у них тайком,

чтоб она себе поживу
в нашем доме не нашла.
Все должны остаться живы,
вот такие-то дела.

Лесовик прилёг на ухо,
на чуток прикрыл глаза.
В тот же миг над ним, как муха,
прожужжала зло коса.

ФЕИ

По лесам, где ландыши, белея,
умывались жемчугами рос,
жили-были маленькие феи
под покровом ласковых берёз.

По ночам в любое время года
на опушке или у реки
собирались феи в хороводы,
словно одуванчики в венки.

Их встречали временами люди
там, где тлели огоньки цветов,
где хрустальный голос незабудок
чаровал любителей стихов.

Феи им рассказывали были,
про принцесс и добрых королей,
как они божественно любили,
как ценили преданных друзей.

Как, себя нисколько не жалея,
поднимались люди против зла,
как умнели в сказках дуралеи,
совершая добрые дела.

Так и жили, отводя напасти
от влюблённых, пьяных и детей.

Не было на свете больше счастья,
чем вниманье и заботы фей.

Но ничто не вечно под луною,
и однажды дрогнули леса,
по берёзам, срубленным весною,
потекла кровавая роса.

И исчезли маленькие феи
без протестов, жалоб и борьбы.
Вместо них пошли по всей Расее,
как дурман, поганые грибы.

* * *

Начинать не стоит, чтоб прощаться,
жизнь не в жизнь, когда над нею смерть.

Я пришёл, чтоб навсегда остаться,
а не для того, чтоб умереть.

В мире нет отвратнее идеи:
всё, мол, тленно, только смерть вечна,
мол, настанет время и за шею
схватит нас, как кроликов, она.

Я, простите, думаю иначе:
люди умирают оттого,
что хвостом виляет по-собачьи
перед смертью в страхе большинство.

Я не стану с гибелью брататься,
пусть об этом вся узнает Русь:
«Я пришёл, чтоб навсегда остаться,
потому что смерти не боюсь.

Даже если распадётся тело,
и душа погибнет за грехи,
будет жить вовеки моё дело:
дети, внуки да ещё стихи».

* * *

Ну, что там, в России, неужто война?
Мне страшно подумать об этом.
А как же трава, синих рек глубина,
румяные щёки рассветов,

а воздух, а птицы, а лёт мотылька,
а хлебного поля наряды?
Неужто кровавая смост река,
неужто погубят снаряды?

За что же страдает российский народ,
за что ему страшные раны?
Узнать бы, кто мирно ходить не даёт
ему по лесам и полянам;

спросить, что за сила зовёт под ружьё
и гонит, как стадо, на сечу?
Кружит над Россией опять вороньё,
рвёт клювами плоть человечью.

Россия, Россия, я слышу твой плач
и вижу тяжёлые тучи.
Живёт на земле твоей мерзкий палач,
что из баловства тебя мучит.

Помочь бы тебе, убережь, отстоять,
спасти, как жену, от позора.

Россия, Россия, подруга и мать,
вот плечи мои для опоры.

Ты видишь, туман заползает в овраг,
и лес покрывается мглою.
Давай же, родимая, сделаем шаг,
покончим навеки с бедою.

Пусть птицы поют, пусть повсюду весна
твои украшает пределы.
Ну, что там в России? У нас тишина,
и все занимаются делом.

* * *

Ликует русская столица,
как будто вынула туза,
от счастья ржёт, как кобылица,
забывшая про тормоза.

А дело в том, что для позора
святой и праведной земли
в Москву на вечер гастролёров
из-за кордона привезли.

Хрипят нерусские певицы
и бесталанные певцы.
Учись, народ, у заграницы
мировоззрению овцы.

Глупеет публика в экстазе
под чужеземный визг и вой.
А русский дух от этой грязи
летит печально над страной

ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ

В одном из дворов, где старушки
играют в слова, как в игрушки,
где шумные ветераны до ночи бьют домино,
живут по соседству подружки,
три длинноногих девчушки.
А впрочем, всё это было уже давным-предавно.

Как дети все из СССР, а,
ходили они в пионерах,
росли, учились прилежно, вступали
затем в комсомол,
подругам и кавалерам
служили они примером,
так Родина им велела, так рулевой их вёл.

Девчонки красиво дружили,
не просто стайкой ходили,
они любили свой город, Родину и народ,
им верилось в то, что учили,
что старшие вслух говорили,
надеялись, что их тоже любит кто-то и ждёт.

Года пробежали, и Вера
в замужестве за офицером
жила в довольстве и счастье, но тут взорвался Афган,
унёс он с собою Валеру
и смял, как цветок, её веру
в безоблачное блаженство
и жизнь без падений и ран.

Подружка по имени Надя
работает няней в детсаде,
нелёгкое это дело, но дома трое детей,
их надо кормить, а Надя
сидит на едином окладе
и нету давно надежды, что кто-то заплатит ей.

И только подруга их Люба
меняет, как варежки, шубы,
ездит на мерседесе с мужем кутить в казино,
только судачат люди,
что мужа она не любит,
а отдаётся за деньги, золото и вино.

Гуляет ветер в аллее
то медленнее, то быстрее,
мокрой рукою листья, как перья с кур, теребя,
живут три подруги в Расее,
страдают, чахнут, стареют,
ни на кого не надеясь, не веря и не любя.

КУМИРЫ

Мы поклоняемся богиням и богам,
творим порой таинственных кумиров,
для них свои настраиваем лиры
и песнопения возносим к небесам.

Во славу их шагаем по земле,
гонимые судьбою пилигримы,
года и вёрсты пролетают мимо,
подобно промахнувшейся стреле.

Скорбим и тщимся, поедаем прах,
приносим жертвы, принимаем муки,
на близких и себя накладываем руки
и тонем, словно в омуте, в грехах.

Надеемся, что кто-то нас спасёт,
поможет в лихолетные години,
поэтому и гнём подобострастно спины,
и лижем блюда, жаждая щедрот.

Забудьте всё! Лишь случай да судьба
владеют равноправно нашим миром.
Глядят бесстрастно мёртвые кумиры
на жалкого и низкого раба.

Молчат бесстыдно боги и божки,
болваны, идолы, фетиши, истуканы.

Струится дым великого обмана
и смыслу, и деяньям вопреки.

Он ест глаза и души бередит,
вселяя в них сомненья и тревогу.
Друзья мои, в себе ищите Бога,
он не обманет и не навредит.

* * *

По дорогам и по тропам
волчьим и шакальим,
словно звёзды с неба в пропасть,
кони проскакали.

Проскакали, а под вечер
их следы остыли.
То ли близко, то ль далече
резвые уплыли?

И куда их гонит ветер
по пыли и грязи,
может быть, для них на свете
нету коновязи,

может, нет в крещёном мире
седокам отрады,
и в России, и в Сибири
им давно не рады?

Ветер свищет и прохожих
до смерти пугает,
но и ветер тот, похоже,
правды всей не знает.

Мужики плюют от страха
по четыре раза,
говорят, то скачет махом
красная зараза.

Рубят красные солдаты
тех, кто послабее,
как в гражданскую когда-то
белую идею.

Топчут кованою сталью
в прах Христову веру,
как в двадцатые по дальним
скитам староверов.

Гонят души чьи-то в дали
сквозь печаль и слёзы,
как в тридцатые сгоняли
мужиков в колхозы.

Бабы крестятся и плачут,
прячутся по хатам,
говорят, что это скачут
белые солдаты.

Под нагайками, как былье,
гнутся наши спины,
мужики вовек не били
так даже скотину.

По дорогам и по тропам
волчьим и шакальим,
словно звёзды с неба в пропасть
кони проскакали.

Проскакали, и остыли
их следы под вечер,
только страхом запылили
души человечьи.

Поселилась, словно в хатах,
в них печаль-тревога.
Кони, в чём мы виноваты,
постыдитесь Бога.

Унесите, кони, с глаза,
только поскорее,
вместе с красною заразой
белую идею.

Мы хотим пожить в покое,
без чрезвычайки.
Кони, мчите и с бедою
к нам не ворочайтесь.

ВОРОНЬЁ

Это всё моё, не ваше,
не надейтесь, всё моё.
Надо мною, как над пашней,
раскричалось вороньё.

Знать, вокруг да рядом бродят
то ли немочь, то ли смерть...
Не затем ли на свободе
трупоедов круговерть?

Может быть, я тоже скоро
превращусь и в тлен, и в прах,
будет каркать жадный ворон
на неприбранных костях.

И без счёта, и без края
на щемящий душу зов
налетит, как бесов стая,
вороньё со всех концов.

Не спешите, не спешите,
погодите - я живой,
в пляске смерти не кружите,
птицы ада, надо мной.

Не сердись, поганый ворон,
не коси кровавый глаз,

я приду к тебе с поклоном
чуть попозже, не сейчас.

Знаю я: всё будет вашим,
но пока моё, моё.
Дайте мне допить из чаши
всё до капли, вороньё.

* * *

Полночь, бессонница, бред.
Черти игру завели.
И сразу Луну, как берет,
сдуло с макушки Земли.

Визг тут поднялся и вой.
Кто-то затеял кадриль.
Ведьмы поганой метлой
гонят по улице пыль.

Ухнул в потёмках лешак,
квакнул в ответ водяной.
Что-то не этак, не так
стало под новой Луной.

Может быть, это вампир
точит заржавленный меч,
чтобы на дьявольский пир
новую жертву увлечь;

может быть, шабаш грядёт,
нечисть слетается в Русь,
чарами тёмный народ
в новый сгоняет союз;

может быть, просто хандра
русскую душу томит?
Так или нет, но пора
браться за чтение молитв.

ВОЙНА

И снова смерть, огонь, спецназ
и установки «град»,
и слёзы падают из глаз
черней, чем виноград.

Земля пылится, как зола,
ломает зубы сталь.
Цветут всюду деревья зла,
как по весне миндаль.

* * *

Нет, умирать пока не надо,
не время закрывать счета,
хоть наша жизнь страшнее ада
и хоть не стоит не шута,

хоть каждый шаг одно мученье,
как за последнею чертой,
ты всё ж останься и мгновенье
у края пропасти постой.

Вниз погляди, и если бездна
понравится, как Божий рай,
тогда и спорить бесполезно,
шагай вперёд и умирай.

Но если капелька сомненья
таится в уголке души,
поддайся лучше искушенью
и прыгать в пропасть не спеши.

Нет, умирать совсем не надо,
не стоит закрывать счета.
Хоть наша жизнь страшнее ада,
но есть в ней всё же правота.

ПОЖАР

Всегда врасплох, без приглашений,
как неожиданный удар,
как выстрел, как петля на шею,
к нам в жизнь врывается пожар.

Как шквал обид и беззаконий,
разгул бессмысленных страстей,

на небо мчатся, мчатся кони
кроваво-огненных мастей.

Их пыльно-пепельные гривы
победно выются на ветрах,
неукротим галоп строптивый,
как зависть чёрная в сердцах.

Всё также вдруг, без объявлений,
всегда врасплох, словно огонь,
по душам целых поколений
любви безумный скачет конь.

Он как пожара злая сила,
извечно кормится бедой,
не удержать его могилой,
не затушить его водой.

Как клубы дыма и угара
он в души рвётся и дома.
Спаси, Господь, нас от пожара
и не сведи, Господь, с ума.

* * *

Снова в путь. Опять зовёт судьбина
в далеко, за горизонт, за край.
Выгоняю старую машину,
газ даю – и, родина, прощай.

В голове ни дум и ни сомнений,
как жена сказала, только блажь.

Еду мимо леса и селений,
люб мне этот сказочный пейзаж.

Не было ни слёз, ни обещанья,
что вернусь когда-нибудь назад,
я на ось мотаю расстоянья
без разбора, все, как есть, подряд.

Может быть, куда-нибудь приеду,
ведь всему на свете есть конец.

Я ищу не скорые победы
и не славы лавровый венец.

Я хочу себе совсем немного
от моей изменчивой судьбы:
пусть мне будет скатертью дорога
да шагают рядом с ней столбы.

ЗИМНЕЕ УТРО

Над городом холодным утром
нависла новая зима,
присыпав сахарною пудрой
деревья, улицу, дома,

намазав дворничихе Тане
на щёки и курносый нос

без спросу яркие румяна,
румянее болгарских роз.

Зима девчонкам-ученицам
снежинки в волосы вплела,
они щебечут как синицы,
забыв про школьные дела.

Неторопливые трамваи
дрожат от холода с утра,
вослед им баба снеговая
рукою машет со двора.

Всё изменилось, и, похоже,
перевернулся старый мир.
Лишь на углу мальчишка тот же
продать пытается пломбир.

ПРИРОДА

Природа смело создаёт
свои великие картины:
пустыни, горы, небосвод,
моря, бескрайние равнины,

цветы, журчание ручья,
бег антилопы, ярость львицы,
полёт дикарского копья,
искусство старой мастерицы

и слёзы гибнущих детей
в эпохи войн и эпидемий.
Следят внимательно за ней
мужи из разных академий.

И вот изучена сполна
природы царственная сила,
но что на свете натворила
не знает лишь она одна.

МУЖИКИ

Неужели все мы дураки
и такие, что подумать страшно,
коль торгуем по цене пустяшной
званием мужицким, мужики?

Неужели больше за душой
ни таланта, ни великой силы?
Жизнь, как конь испуганный, взбесилась,
не удержишь старою уздой.

Вздыбилась и мчит куда-то вдаль
без дороги, вскачь, и без тропинки.
Пусто так, что даже четвертинки
не найдёшь, чтобы залить печаль.

А вослед несётся злобный лай:
«Дураки, поганные шалавы!»

Мужики попали под облаву,
хоть ложись и сразу умирай.

Осмотреться бы, подумать, попросить
у кого-нибудь полезного совета.
Только времени и сил на это нету
да и как коня остановить.

Так и мчим, надеясь на рассвет,
ухватив своих коней за гривы,
ждём, что, может, выпадет счастливый
мало-мальски выйгрышный билет.

Мужики, а время-то не ждёт,
знать не знает жалости природа.
Кони мчатся, не сбавляя хода,
и не ясно – взад или вперёд.

Может, стоит прыгнуть из седла,
поменять на нет свою судьбину.
Не тяните, чёрт возьми, мужчины,
время приниматься за дела.

Знаю, больно будет, да и так,
что иной себе сломает шею,
но ведь то за нас и за идею,
что само собою не пустяк.

Разгибайте спины, мужики,
становитесь на ноги – и с Богом

в путь, не мешкая, по собственным дорогам,
по каким не ходят дураки.

И смирится конь наверняка,
явится к хозяину с повинной,
а хозяин – это мы, мужчины,
нам поводья в руки на века.

Т Е П Л О

Тепло к нам само никогда не придёт,
пусть даже наступит апрель,
пока на трубе не сыграет поход
пушистый и ласковый шмель;

пока не скомандует весело: «Марш!»
седой длинноусый сверчок,
приветствуя музыкой тёплый вояж,
не вскинет над скрипкой смычок.

Не сдвинется с места, пока комары
не выведут в небо всю рать,
забыв про гулянья свои и пиры,
на дудках не станут играть.

Пока не отстроят хоромы скворцы,
не стихнут их страсти хоть чуть,
пока голоса не прочистят певцы,
тепло не отправится в путь.

Но всё же однажды рассеется мгла,
туманы уйдут на покой,
и вылетят солнцу навстречу пчела
и шмель с золочёной трубой.

Сверчок над струною подымет смычок,
свирели возьмут комары.
Весь мир запоёт, как поёт петушок,
хмельной от рассветной поры.

Всю ночь будет бить и трещать барабан,
а утром в родное село
придёт из далёких неведомых стран
под пение птишек тепло.

* * *

Гляжу вокруг и ничего не вижу,
чем можно было б удивить свой взор.
Всё тот же дом, всё так же солнце лижет
телёнком рыжим крашеный забор.

Всё тот же сад. Деревья-балерины
на цыпочках под окнами кружат.
Моё село. Знакомые картины
на улицах отыскивает взгляд.

За столько лет ничуть не изменились
ни вид его, ни дух, ни естество.

Мне любо всё и дорого, и мило,
и это удивительней всего!

* * *

Жизнь, словно солнце, всходит и заходит,
то греет нежно, то смертельно жжёт.
Всё в этом мире на небесном своде
расписано на сотни лет вперёд.

Мы роем землю, покоряем атом,
рвём в клочья души, ищем путь к себе.
Напрасно всё, водой по перекатам
мы катимся подвластные судьбе.

И про меня, и про тебя известно
на небесах всё вплоть до запятой.
Но всё же жить на свете интересно,
особенно, любимая, с тобой.

* * *

Что со мной? Никто не спросит.
Я поэт совсем безвестный.
Может, только дева-осень
угостит вином чудесным.

Я надеюсь, дева помнит,
как ей песни пел повсюду.

Выпью раз, она наполнит
вновь порожнюю посуду.

За твоё здоровье, осень,
за твоё явление миру!
Я её целую косы,
как положено жуиру.

Захмелев, зову берёзку
посидеть в траве со мною,
мну ей пышную причёску
осмелевшею рукою.

А потом мечусь по лесу –
приласкать хочу рябину.
Разгулялся, знать, повеса,
задурил, видать, детина.

Осень, мне прости проказы,
как прощаешь ты природу.
Я совсем не Стенька Разин,
но, как он, люблю свободу.

Я живу на свете гостем,
только сам себе послушен.
Лишь тебе сегодня, осень,
распахнул навстречу душу.

Извини за шёпот страстный,
за солёные дождевики.
Можно, я осенней краской
разукрашу сам осинки,

можно, сделаю пригожим
каждый миг лесному люду?
Пусть мои старанья тоже,
как твои, рождают чудо.

Бойко Светлане

Я вошёл к тебе со стужи,
как в чужие сны.
Хорошо, что ты без мужа,
я же без жены.

Посидим с тобою рядом –
гладь и тишина.
Мужа нам пока не надо,
не нужна жена.

На двоих сготовим ужин:
кашу да блины.
Как легко тебе без мужа,
мне же без жены!

Мы глядим в глаза друг другу
без тоски и мук.
Ты – хорошая подруга,
я – надёжный друг.

Разговор, как нитка кружит
по веретену:
ты про мужа да про мужа,
я же про жену.

* * *

Она была скромна и молода
и так прелестно нежно улыбалась,
что я вздохнул: какая всё же жалось,
что жизнь нам карты путает всегда.

Я мог бы другом стать ей, и вдвоём
гулять в саду и целоваться сладко
в укромном уголке по-детски без оглядки,
забыв на белом свете обо всём.

А мог бы мужем быть ей и тогда
идти по жизни, как до нас шагали
другие пары в счастье и печали
на многие и многие года.

А мог бы просто стать поводырём,
чтоб провести её по жизни трудной,
как лоцманы ведут по морю судно
одним лишь им изведанным путём.

А мог бы быть... Да что это со мной?
Я постарел, душа давно остыла.
Она тихонько мимо проходила
и растворялась за моей спиной.

Т Е Л Е Ф О Н

Я всю ночь терзаю телефон:
«Дома, нет ли, отзовись, родная.
Я к тебе душой стремлюсь, а он
нас опять, подлец, разъединяет».

Я ловлю с надеждой каждый звук,
то молюсь, то крою трёхэтажно:
«Потрудись, товарищ, брат и друг,
позвони ей, это очень важно.

Не к лицу тебе такая спесь,
знаю, можешь, но, видать, не хочешь.
Ты устал, и я измучен весь
выходками сумасшедшей ночи».

Наконец-то длинные гудки,
слышу голос ласковый и милый:
«Ты прости, но ночи коротки,
я с любимым недоговорила».

* * *

Надень-ка кофту новую
да юбочку плиссе,
похвастайся обновою,
пускай посмотрят все.

На ноги – лакировочки,
на голову – платок.
Красивые обновочки
привёз тебе дружок.

Пройдём по главной улице
под ручку взад-вперёд,
не жалко, пусть любитесь
на нас с тобой народ.

Пускай твои товарочки
от зависти помрут,
подобные подарочки
им вряд ли привезут.

И вовсе я не хвастаю
и не настолько пьян.
Дарю тебе для счастья я
нарядов чемодан.

Всё новое с иголочки,
фасон – с ума сойти,
на вашей барахолочке
такого не найти.

Вот бусы жемчужовые,
вот беличьи меха.
Нет в мире, чернобровая,
щедрее жениха.

ВИНОГРАДИНЫ

Ах, глаза твои – виноградины,
льют вокруг вино полусладкое,
может, мы бы с тобой поладили,
если встретились где-то украдкою.

Схоронились бы за непогодою,
чтоб соседи случайно не сглазили.
Что поделать, коль не свободны мы,
и живём не в Европе, в Азии.

Только если в душе моей ссадины,
залечить не захочешь нисколько ты,
попрошу я тогда виноградины,
пусть вина мне нальют полуторьского.

КАБЛУЧОК

Милые ножки бегут по тропинке,
как карандаш мой вдоль строк.
Это спешит на свиданье Кристинка,
песни поёт каблучок.

Возле дорожки цветут незабудки,
прячется в травке сверчок.
Ножки торопятся, ни на минутку
не замолчит каблучок.

Чёрные кошки мешают девчонке,
вертятся назло у ног,
но не собьётся, не прыгнет в сторонку
звонкий её каблучок.

Злобные мошки сбиваются в стаи,
тоже спешат на точок,
а над тропинкой всё выше взлетают
за каблучком каблучок.

Звёзды, как плошки, висят над селеньем,
 смотрят, а сами молчок.
Ножки спешите и бей веселее,
 как в барабан, каблучок.

Мама в окошко смотрит на дочку,
 выросла, словно цветок,
и позвала и взяла её ночка,
 слышится лишь каблучок.

Месяц сторожкий вдруг над тропинкой
 свой засветил огонёк.
Кто там шагает навстречу, Кристинка?
 Мигом умолк каблучок.

* * *

Последний раз танцуем мы с тобой,
вот и настало время попрощаться.
Раз мы не на вокзале, не в пивной,
давай тогда не будем целоваться.

Я знаю, ты встречаешься с другим,
 поэтому со мною так небрежна.
Струится вниз, как в непогоду дым,
мимо меня твой волос белоснежный.

Мы молча кружим свой последний вальс,
порой не в такт, порою без старанья.
Оркестр поёт, как будто бы для нас
про чьи-то стародавние страданья.

А впрочем, что теперь до старины,
зачем тревожить заново бывшее.
Я за собой не чувствую вины,
и ты чиста, как небо голубое.

Оркестр заглох. Я за руку веду
тебя, как и положено, на место.
Ну, что ж, прощай. На радость иль беду
чужой ты стала сгоряча невестой.

Тебя, конечно, дома ждёт жених,
ему свою подаришь ты улыбку.
Молю я Бога, чтобы этот миг
не стал непоправимою ошибкой.

Оркестр снова музыку ведёт
и снова, как нарочно, про страданья.
Рыдают в зале семь несчастных нот,
и плачу я в душе, - от расставанья.

* * *

Я знаю, жизнь не удалась,
писал стихи, а вышла проза,
и в сердце навсегда впилась
обида горькая заноза.

Мечтал взлететь, опять, увы!
проползал, как змея, по праху,
не поднимая головы,
дрожа всей шкурою от страха.

Хотел уйти, остался здесь,
питался падалью и гнилью.
Я умер, разложился весь,
сравнился с уличною пылью.

Искал любви, но не нашёл
в чужой душе к себе участия.
Я не туда, видать, зашёл,
здесь места не было для счастья.

ФЕВРАЛЬ

Из-под чёрной шапки тучи
сквозь метели злой вуаль
смотрит яростный и жгучий
необузданный февраль,

рассыпает, как орехи,
то позёмку, то мороз,
то сосульку для потехи
тянет пальцами за нос.

То по лесу тихо бродит,
то кидается снежком.
Ох, не зря его в народе
называют дураком.

* * *

По Оби везёт туристов
старый теплоход.
Из-под пальцев гармониста
музыка плывёт.

Нас мелодия качает
словно на волне
От обиды стая чаек
плачет в стороне.

Задержались на минутку
в небе облака,
искурили самокрутку
злого табака.

Приподняв повыше кроны,
величавый бор

вышел музыкой пленённый
прям на косогор.

Мужики, подвыпив, хором
песню завели
про священное про море
и про корабли.

А на палубе девчонки
отбивают дробь.
И бежит, как собачонка,
вслед за ними Обь.

* * *

В этой царственной гостиной,
где принцессы за столом,
где красивые мужчины
угощают их вином;

где заядлые кокотки
объявляют белый вальс,
ноги в импортных колготках,
выставляя напоказ;

где летают лёгким пухом
немудрёные слова,
где из них плетутся слухи,
как из ниток кружева;

где седые кавалеры,
позабыв вино и дам,
предаются полной мерой
нестареющим страстям;

где курится в чаше ладан
и где вьётся серный дым,
где герои хит-парадов
лезут в души к молодым;

где врождённые эстеты
мрут от всякой чепухи,
а безумные поэты
пишут умные стихи;

в этой царственной гостиной
на сегодняшнем балу,
как паук на паутине,
притаился я в углу;

притаился, ожидая
в сети прочные улов.
Может, кто-то потеряет
ожерелье умных слов.

Я возьму их на примету,
уберу подальше с глаз,
деревенскому поэту
всё сгодится про запас.

ОМАР ХАЙЯМ

Читаю Омара Хайяма.
Стихи его – сладкий шербет,
который в полуденных странах
дают мудрецам на обед.

Хайям беззаботно смеётся,
как будто ему всё равно,
с кем нынешней ночью придётся
беседу делить и вино,

как будто ему безразличны
признание, слава, почёт.
Красавицы есть и отлично!
Пусть кравчий им чаши нальёт.

И рады мы все и довольны:
хозяин – мужик хоть куда,
такое устроил застолье,
что льётся вино как вода,

что музыка, женщины в залах,
что все мы как будто свои...
Но кончилась ночь, оказалось,
что пир тот – его рубай,

что он угощал нас стихами
и мудростью, а не вином.

Читаю Омара Хайяма
и плачу над умным стихом.

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

Я заснул, читая на диване.
Мне приснилось, будто я стою,
и заходит Игорь Северянин
быстрым шагом в комнату мою.

Он мне жмёт протянутую руку,
мол, привет вам от моих принцесс,
говорит: «Чтобы развеять скуку,
я прочту вам несколько поэз.

Может быть, вы любите кэнзэли,
если захотите - их прочту:
про цветов сиреневых метели,
про Миррелию - заветную мечту.

Мне там плохо без моих рассветов,
без озёр, без Родины, без вас.
Я когда-то был король поэтов,
и заметьте, не халиф на час.

Слышал я, вы тоже между делом
не чураетесь словесных муз,

признаюсь, мне очень бы хотелось
укрепить наш двойственный союз.

Как приятно, что ни говорите,
родственные души ощущать.
Так что продолжайте, друг, пишите,
ведь стихи - такая благодать!»

Я проснулся, голова в тумане.
нет со сна на этот случай слов.
На диване Игорь Северянин -
том его классических стихов.

«В забытьи», «В часы росы» и «В гичке»,
«Озеро Конзо», «Таймень», «Наверняка».
Я стихи читаю по привычке
слово в слово, за строкой строка.

Может быть, я из стихов узнаю
тайну не доверенную сну:
что Миррелия, богатая, большая?
Как найти дорогу в ту страну?

* * *

Всякий знает свои приметы,
вехи, знаки и рубежи.
Мой рубеж - это тёплое лето,
семибальная буря ржи.

Моя вежа - лесная опушка,
а примета - гаснущий день,
когда солнце усталой старушкой
тяжело садится на пень,

осмелев, выползают букашки
из травы и трухлявых коряг.
Я срываю тогда ромашку -
свой надёжный испытанный знак.

Лепестки обрываю на ветер:
любит - нет ли, придёт - иль нет.
Всякий раз вопреки приметам,
всё один и тот же ответ.

Дни проходят. Как жерновами,
истираются все рубежи.
И всё ниже, умывшись слезами,
опускаются головы ржи.

* * *

Мы все работать понемножку
привыкли испокон веков,
но вот копать свою картошку
умеет люд без дураков.

Откуда сила в том народе
и страсть такой величины?

С утра до ночи в огороде,
как копны, задницы видны.

* * *

На часах всего пять двадцать,
ну, от силы двадцать пять.
Прозвенел будильник. Братцы,
я не выспался опять.

Раздираю с болью веки,
выбираюсь из тепла.
Взяли в плен меня на веки
неотложные дела.

За окном октябрь усталый
бродит, души беребя.
Спит заря под одеялом
из тумана и дождя.

И жена, раскинув руки,
улыбается во сне.
За грехи, наверно, муки
посылает небо мне.

Надеваю сто одежек,
залезаю в сапоги,
выхожу во двор. О, Боже!
Не видать вокруг ни зги.

Сырость, холод. Шарик в будке
притаился, недохнёт.
Только дождь шестые сутки
шепчет глупости с высот.

* * *

Боже правый, скоро святки,
снег кружит, как заводной.
Я целуюсь без оглядки
с моей собственной женой.

Знаю, глупая затея
целоваться в январе.
Ветер к полночи лютует,
как собака во дворе.

Ну, а мы друг другу рады,
разогрелись до красна,
словно с восточкой в ограду
вдруг нагрянула весна.

Позабыв про всё на свете,
кроме собственных утех,
мы, как маленькие дети,
хохоча, упали в снег.

* * *

Я остался опять без вины виноватый.
За какие грехи и дела?!
Снег упрямо сгребаю весь вечер лопатой,
словно крошки рукой со стола.

Я кидаю его за сугробы повыше,
чтобы ветер разнёс по земле.
То ль у бабы под старость поехала крыша,
то ли я глупей всех на селе?

А всего-то и дел, что припомнилась Зинка,
мол, пригожая баба, а вот,
схоронила Илью, отвела все поминки
и одна горемыкой живёт.

Слава Богу, крепка и послушна лопата,
снег кидаю легко, не спеша.
Пусть я буду всегда и во всём виноватый,
всё же Зинка сто раз хороша.

* * *

Есть женщины, что снятся по ночам.
Они приходят, как это ни странно,
в мою судьбу негаданно, неожиданно,
и не сверяя время по часам.

Являются шумливою толпой,
как женщины незваные умеют,
красивым камнем падают на шею,
утащишь - ладно, нет - так чёрт с тобой.

Они обворожительно умны,
как кошки грациозны и красивы,
приветливы и в меру похотливы.
Но мне такие вовсе не нужны.

Есть женщина - заветная мечта.
Прошу её хоть раз один присниться,
чтоб рассмотреть вблизи её ресницы
и жадно выпить жаркие уста.

Ах, как она отчаянно умна,
как кошка грациозна и красива,
приветлива и в меру похотлива.
Такая, именно, как мне нужна.

* * *

Я видел вас с тех пор десятки раз
и всякий раз приветствовал при встрече.
Но вы, увы, не поднимали глаз
лишь нервно передёргивали плечи.

Словно пугаясь, ускоряли шаг,
спешили перейти через дорогу.

Так убегают люди от собак,
не затевая с ними диалога,

так сторонятся прокажённых лиц,
больных чумой, помеченных холерой.
Дрожанье ваших колющих ресниц
в душе гасило и любовь и веру.

Мне становилось холодно в жару,
я обдавался потом в злую стужу,
я был готов любить вас, как сестру,
но и, как брат, я, видно, вам не нужен.

Скажите хоть, за что такой укор,
за что немилость, гнев и небрежение?
Неужто наш последний разговор
обидел вас каким-то выраженьем.

Я помню всё: вы были под Луной,
купались и плескались в лунном свете,
а я стоял под чахлою звездой
на самой гиблой и дурной планете.

Вы говорили громко о стихах,
о музыке, цветах, мечтаниях и грёзе.
Я понял всё. Но ляпнул впопыхах,
не знаю почему, о самой гнусной прозе.

Признался в страсти, что желаю вас,
люблю одежду, волосы и тело.
Вы встали, словно статуя, анфас,
глаза метнули жалящие стрелы.

С тех пор я видел вас издалека.
Вы почему-то избегали встречи,
шаг ускоряли, горбились слегка
и нервно передёргивали плечи.

БАБОЧКА

Бабочка присела на цветок,
отдохнуть или попить нектара.
Крылья её тронул ветерок,
словно пальцы струны у гитары.

Бабочка изящна и нежна -
хрупкое и странное создание.
Про неё недаром старина
складывала разные преданья.

Издавна считалось, что весной,
снег едва лишь на полях растает,
первые цветы взлетают над землёй,
в бабочек на солнце превращаясь.

И другой из глубины веков
взял рассказ себе я на заметку,
будто в бабочек и разных мотыльков
превратились души наших предков.

Тут запнулся мой певучий стих.
Сколько душ скопилось на планете!
Люди, берегите и жалейте их,
вдруг, мы, правда, внуки им и дети.

Бабочку под крылья ветерок
подхватил и скрыл за горизонтом.
Кто ты есть? Причудливый цветок
иль мой дед, что не вернулся с фронта?

* * *

Как хорошо весной в лесу у нас,
в нём нет ни суеты, ни революций.
Березы, как всегда, танцуют вальс
а первоцветы возле них толкутся.

Здесь множество знакомых и друзей:
вот одуванчик поднимает шляпу,
улыбку дарит во весь рот ручей,
и старый кедр протягивает лапу.

Я тоже их приветствовать спешу:
кого поклоном, а кого улыбкой.

Я рад всему, и даже мурашу
душа моя поёт волшебной скрипкой.

Как радостно в лесу у нас весной
припасть к берёзке, пожелать ей доли,
жизнь возлюбить любовью неземной
до тихих слез и до сердечной боли.

И на коленях Бога попросить,
чтобы в тоске, тревоге иль печали
я мог бы в лес весенний приходить,
и чтоб в душе мелодии звучали.

* * *

У нас зима. Метели без просвета.
Мороз скрипучий царствует во мгле.
А где-то на другом конце планеты
весна хозяйкой бродит по земле.

Идёт босая в светленькой косынке
легко, как будто баба под хмельком.
С большою радостью ей узкая тропинка
ложится под ноги цветастым рушником.

Она кивает головой знакомым
заморским бабочкам, невиданным цветам.
И разливается по тем краям истома,
и аромат струится по холмам.

Весна садится на лесном газоне.
Как хорошо и радостно кругом!
Но, вдруг, ей вспомнились российские гармонии
и масленица с пляской и блином.

Душа забилась, как комар в тенетах:
«Нет, нет, ещё не время на покой,
пусть за меня здесь остаётся лето,
а я в Сибирь, верней к себе домой».

У нас зима. Метель метёт да вьюга.
Мороз скрипучий смотрит, как упырь.
А в это время, распрощавшись с югом,
весна пешком отправилась в Сибирь.

* * *

Закатилось солнышко
спелым подсолнышком,

расплескалась луна
полотном изо льна,

ночка в окошечко
просится кошечкой,

машет цветком
сирень, как платком.

А я в гостинной
целуюсь с Валентиной,

радуюсь и горжусь,
хоть на что-то гожусь.

* * *

«Как дела сосед?» - «Хреново,
лучше промолчать,
поддыхает, вишь, корова,
язви её мать!

К Василию, ветеринару,
бабу отослал,
может, даст какого взвару
этот коновал».

Помолчал мужик и снова:
«Надо ж, ё-моё,
поддыхает, знать, корова,
как же без неё?!»

А корова завалилась
тяжело назад.
Жизнь и впрямь её катилась,
видно, на закат.

Тут жена явилась Надя
с ней ветеринар.

Разлетелся по ограде
винный перегар.

Поглядел Василь сурово:
«Поддыхает. Что ж,
чтоб не мучилась корова,
принесите нож».

Как положено, поправил
нож на оселке,
загорелся он как пламень
в опытной руке.

Вдруг корова заревела
раз да два раза,
и по морде чёрно-белой
потекли глаза.

Рассопливилась Надюха:
«Ой, коровку жаль!»
А у той уже за ухом
плоть рванула сталь.

Вскоре в противне шипели
свежины куски,
и запили на неделю
с горя мужики.

* * *

Здесь течёт не Волга, а Тула, -
речка не велика, не мала.
Притулилось к той реке село
тоже не велико, не мало.
И живут по берегам реки
земляки мои - верх-туляки.
Чем же знаменито то село?
Тем, что в землю намертво вросло,
тем, что землю пашут мужики,
как отцы когда-то в две руки.
Ходят ладом плуг да борона
от темна по свету до темна,
а потом по ночи до утра
всё гудят с надрывом трактора.
Чем ещё богато то село?
Тем, что утром солнышко взошло,
тем, что ветер гонит облака,
что луна бывает велика,
что цветы выращиваем мы,
почитай, до самой до зимы.
А ещё скажу, что мужиков.
наши бабы любят, будь здоров,
мужики, во всём блюдя закон,
тоже уважают своих жён.
И не даром из двора во двор
слышен детский смех и разговор.
Вот отсюда по земле идёт
испокон российский наш народ.

Хоть просторы наши велики,
но повсюду есть верх-туляки:
всяк работать и любить мастак,
всяк детей растит, кто не дурак,
всякий помнит корень свой и род,
всякий лишь по совести живёт.

СТИШАТА

* * *

Я, может быть, самый первый
поэт из сибирской глуши,
сыгравший мелодии ветра
на струнах своей души.

* * *

День сегодня, как в сказке,
радостный и чудной.
Солнце строит мне глазки
девицей разбитной.

* * *

Шагает весна, а проталинки
за ней устремляются вслед.
Кот на чёрной завалинке
дремлет, как старый дед.

* * *

Тает снег, зеленеет улица
и всё шире и шире простор,
знать, вернулась Марья-искусница,
чтоб волшебный соткать ковёр.

* * *

Где стучит в барабаны капель,
полная сил и отваги,
там с морозом апрель
сосульки скрестил, как шпаги.

* * *

Сосулька, наморщив в волнении лоб,
роняет росинки по пуду.
Подснежник, пробив головою сугроб,
дивится весеннему чуду.

* * *

У весны свои привычки,
всё на свой меняет лад:
у вокзала электрички
скачут весело, как птички,
и до вечера галдят.

* * *

Устав от долгих переходов,
не по уставу – до захода,
сняв каску, задремал солдат.
К утру голубка без опаски
свила гнездо в защитной каске,
и смолк воинственный набат.

* * *

Весна на дворе, но лето
готовит свой пёстрый наряд.
Ива на днях средь веток
вывела жёлтых цыплят.

* * *

Собиралась заря втихаря,
а потом полыхнула пожаром,
словно красная грудь снегиря,
примерещилась в небе над яром.

У зари нынче праздник большой:
солнце в губы её целовало...
Не затем ли бабёнкой хмельной
она целое утро плясала.

* * *

Прошли года и юности звезда
давно уж закатилась за пределы.
А я люблю тебя, как и тогда,
и нету у меня другого дела.

* * *

До зари кукушка куковала,
то затихнет, то начнёт опять...
То ль от скуки слёзы проливала,
то ли совесть не давала спать?

Раскудрявив синие причёски,
расцветали рано поутру
там и сям цветы – «кукушьи слёзки»,
словно совесть птичья на смотрю.

* * *

«Погадай мне, кукушка, скорей,
покукуй мне хоть самую малость.
Сколько жить без любимой моей
мне ещё в этом мире осталось?»

«Не скажу я тебе ничего.
Вы до чёртиков все надоели!
Как же ты не заметил того,
что уже не живёшь три недели?»

* * *

Облака надо мной повисли,
словно вёдра на коромысле,
словно светлые лёгкие мысли
на великом от роду челе;

солнце вышло, как барышня к чаю,
облака мимоходом лаская,
и они на груди его тают,
будто в вазочке крем-брюле.

* * *

Дым, как чёрная река,
из трубы поплыл над крышей,
круче всё и выше, выше,
прямиком под облака.

Те мгновенно, как полынь,
стали горькими и злыми,
постарели в чёрном дыме
и собой закрыли синь.

* * *

Я сказал тебе злые слова,
ты в ответ промолчать не смогла.
Вот и нет уже цифры «два»,
есть лишь глупые два «кола».

* * *

Когда любовь совсем не греет,
когда желаний нет в груди,
то это значит, мы стареем,
и нет надежды впереди.

Когда и совесть не тревожит,
и всё на свете «всё равно»,
то присмотрись к себе,
быть может,
ты мёртв уже давным-давно.

* * *

Ах, эта грудь, божественная грудь,
сравнима лишь с космической силой.
Ты грудью первенца передо мной кормила
и создавала новый Млечный путь.

* * *

«Загляни мне в глаза. Что увидела в них?
Говори же!» —
Она прошептала:
«Вижу зимний рассвет, вижу нежный твой
стих
и пушистых снегов покрывало». —

«Глубже, глубже смотри, в них любовь
и цветы,
наклоняйся, как можешь, пониже». —
«Вижу, правда, любовь,
вижу, есть в них и ты,
но себя почему-то не вижу».

* * *

Смеёшься ты, красивая чертовка,
купальник твой — как крылья мотылька.
Змеей сползла с груди татуировка
и улеглась, свернувшись, у пупка.

* * *

Умирает солнце, день, как жизнь, проходит,
в лихорадке смерти облака горят.
Люди смотрят в небо: «Видно, к непогоде
примеряет красный сарафан заря».

* * *

Снег над нами весь вечер кружится...
Ты губами его не лови.
Пусть он ляжет тебе на ресницы,
белоснежным комочком любви.

* * *

Ты от меня настолько далеко,
что с памятью моей случилось что-то.
Да, забывать так просто и легко,
а вспоминать – тяжёлая работа.

* * *

Мне опостытели прощания и встречи,
таинственные вздохи, выкрики во сне,
общенье на пятнадцати наречьях,
которые все непонятны мне.

Я не хочу ни встреч, ни расставаний,
ни вздохов и ни криков по ночам,
а жду сердечных, милых воркований,
на языке, понятном только нам.

* * *

Ночь наверно устала, отходит ко сну,
звёзды дремлют, бледнеет смертельно луна.
Умоляю тебя, не буди тишину,
мне не нужен никто, даже ты не нужна.

С нетерпеньем смотрю на ночной небосвод,
хоть кнутом подгоняй мироздания часы,
мне б побыть одному, постоять у ворот,
мне б глаза просушить от солёной росы.

* * *

Гляжу я в мамины глаза,
а в них обиды горькой слёзы.
Припасть бы к ним, как к образам,
и замереть, как от наркоза.

Ах, мама, как я виноват.
Но знаю, ты меня простила,
и все грехи мне отпустила,
хотя глаза ещё грустят.

* * *

Ты вся во мне: в моих мечтах и снах.
Я радуюсь, как радуются дети,
когда тону в твоих больших глазах
или блужу в них, словно в Интернете.

* * *

В твоих глазах огонь шальной:
взглянула - и горю свечой.
В губах же клей. Прильнул я к ним,
приклеился и стал твоим.

* * *

Мне жить с тобой и без тебя невмочь:
 неясно всё, как действие в балете.
Ты улыбаешься, но только на портрете,
а в жизни хмуришься и гонишь меня прочь.

* * *

Хмель, наверное, бродит во всём.
мы с тобой целовались украдкой,
 наливались наливкою сладкой
 и хмелели от счастья вдвоём.

* * *

Я каждой женщине гляжу вослед
 и девушек глазами провожаю.
Ты не ругай за это, дорогая,
смотреть меню – не значит есть обед.

* * *

Про женщин слышать не могу,
 остепенился – в том отрада,
влюбляйтесь сами, если надо,
а я про это ни гу-гу.

* * *

Её пухленькие губы
и её большая грудь
не милы мне и не любы,
просто, нравятся чуть-чуть.

* * *

Время с нами не шутит, какие тут шутки,
ни ускорить его, ни замедлить нельзя.
Нынче утром в саду расцвели незабудки,
как ее рано утром спросонок глаза.

Я молю Божью Матерь, чтоб метаморфозы
человеческих судеб не мучили нас:
упаси все цветы от последних морозов,
я ведь жить не смогу без ее синих глаз.

* * *

Любить тебя – нелёгкий труд,
без выходных и без зарплаты,
без права снять с себя хомут
без права быть невиноватым,

без права по земле ходить,
надеясь на мир и славу.
Но, чёрт возьми, и разлюбить,
я тоже не имею права.

* * *

Мальчишка ночью полупьяной
своей девчонке визави
играет, как на фортепьяно,
простую музыку любви.

* * *

Когда остались мы вдвоём,
цвели цветы под чистым небом,
Громокипящий кубок Геба
ещё не пролила дождём.

Когда с тобою расставались,
цветы завяли, грянул гром.
Все связи в мире разорвались
и Геба плакала о том.

* * *

Мысли, как птицы, вольны и крылаты,
миг — и летит голубок.
Может, на север, а, может, на запад,
может, на милый восток.

Может, немного задержится где-то,
кинет на землю перо.
Мысли мои, разлетайтесь по свету,
сейте повсюду добро.

* * *

О Родине не следует кричать.
Но, если к ней любовь волнует душу,
тогда совета доброго послушай –
пойди и обними родную мать.

* * *

Мы хлеб едим, который испекли
из собранного пахарем зерна.
Пшенице сила от земли дана
и, значит, наша сила от земли.

* * *

Мы с домом отчим чем-то схожи
(в том, видимо, закон свой скрыт):
дом трещинами весь покрыт,
и у меня в морщинах кожа.

* * *

Запах чёрной смородины
и её терпкий вкус
у моей грустной Родины
с светлым именем Русь.

* * *

Машина времени – моя семья:
взгляну на сына – это в прошлом я,
а чтоб о будущем своём узнать,
гляжу я на отца и мать.

* * *

Нет-нет, и вспомнится былое:
тревожный, в общем-то, сигнал.
Вперёд стремится молодое,
назад – кто жить уже устал.

* * *

Ребёнок на коленях у отца,
а рядом мать счастливая такая!
Блестят глаза, улыбка в пол-лица,
ни дать ни взять – российская святая.

* * *

Четыре стиха – четыре мгновенья
среди вечных, как памятник, тем.
В четыре строки, порой, стихотворенье
длиннее многих поэм.

* * *

Умному ночь для раздумий дана:
мысли рождаются в тиши.
Умному ночь – для спасенья души,
глупому – только для сна.

* * *

По жизни мы идем не в ногу:
всяк по себе. В конце концов
и наша с вами встреча с Богом
зависит от длины шагов.

* * *

Начинается всё от истока
и течёт до окраинных стран.
День свой путь начинает с востока,
свет на запад идёт от славян.

* * *

Мудрый думает много
иль много читает книг?
Нет, он молится Богу
и потому велик.

* * *

Господи, развеи мои сомненья.
Для того, чтоб истину познать,
сколько надо книг перечитать?
Мудрым не становятся от чтенья.

* * *

Питают крохи воробья,
а потому он мал и хлипок.
Беря по крохам у великих,
могу ли стать великим я?

* * *

Похвально к лучшему стремленье,
хотя понятно, что успех —
не только восхождение вверх,
а также чьё-то унижение.

* * *

В чём истина? Кто сможет объяснить?
В том, чтобы властвовать над миром,
иль спину гнуть перед кумиром,
иль над собой владыкой быть?

* * *

Мы все беспечны от рожденья:
считаем деньги, а года
текут меж пальцев, как вода,
и хоть бы капля сожаленья.

* * *

Творя себе какую-нибудь тварь,
и пребывая в творческом экстазе,
не забывай, что ты не Бог, не царь,
а, как и тварь, из той же самой грязи.

* * *

Истина всегда одна – в земле,
блаженны это понявшие люди.
Лишь в ней любовь, судьба и правосудье,
а не в миру, тем боле не в Кремле.

* * *

Запах осени – запах земли,
увядающей и скорбящей,
треугольные журавли
и раздетые ветром чащи
ждут чего или просто ныне
закручинились до весны.
Как на крыльях
на них из сини
опускаются мокрые сны.

* * *

Словно косы в космы расплетённые,
словно пальцы рук переплетённые,
как котёнком спутанный клубок,
корни, под землёю погребённые,
славой и величием обойдённые,
кормят в неге выросший цветок.

* * *

Ничего не ищу в этом мире я:
ни стиха, ни романа, ни повести.
Мне бы лишь заключить перемирие
хоть на миг с своей совестью.

* * *

Всегда рождала подлецов земля
в достаточном количестве на брата:
по генералу вышло на солдата
и по погонщику на каждого коня.

* * *

Блудило горе по России
в тот горький год.
И непонятно, как Мессия
забыл народ.
Взвивался в небо чёрным змеем
вонючий смог.
От счастья плакали евреи,
прости их, Бог.

* * *

Всё исхожено, всё излазано,
нет уже не преград, не препон.
Всё на свете, наверное, сказано,
а иное – простой перезвон.

* * *

Гармонь играет. Слушает народ,
дыханье затаив, мелодии простые,
как будто их не гармонист ведёт,
а синеглазая красавица Россия.

* * *

Зачем смеяться, если всё так грустно,
зачем грустить, когда весь мир смешон.
Да здравствует великое искусство,
смеяться громко в дни сорокоуста
и слёзы лить под старый патефон.

* * *

Ах, какой неожиданный вечер,
снова музы прилетали...
Декольте, причёски, плечи
и бедлам, как на вокзале.

Посидели, пошептались,
похихикали украдкой.
После них со мной остались
два стиха в моей тетрадке.

* * *

Зачем всё время о плохом,
ведь есть и добрые мгновенья:
я улыбаюсь над стихом,
ты плачешь над стихотвореньем.

АЛОЭ

В своей засушливой стране
я стал бы деревом могучим.
А здесь – лишь веточкой колючей,
уродцем чахлым на окне.

ШИПОВНИК

Пусть розы, что хотят, судачат,
но я им больше, чем родня.
Цветы их выглядят иначе,
зато шипы, как у меня.

* * *

Здесь всё чужое, словно за границей,
в музее спрятана Святая Русь.
Москва, Москва, ты не моя столица
я никогда тебе не поклонюсь.

* * *

Не всем дано быть на переднем крае,
и не у всех на это есть права.
Одни поют,
другие подпевают
припева немудрёные слова.

* * *

Словно птица, летает доньше,
знать, не зная границ или виз,
ненаписанный Паганини,
неисполненный им каприс.

Он кружит над зловонным миром,
с высоты смотрит грустно вниз:
повстречаться б с каким кумиром –
только гении перевелись.

* * *

От тревоги и бед, и заботы излишней
я уехал из дома в чужие края.
Здесь весной молоком умываются вишни,
и два раза в году плодоносит земля.

Только осень жестоко подводит итоги:
на чужбине такая же точно беда,
здесь не меньше забот и не меньше тревоги
да и вишни, я понял, цветут не всегда.

* * *

Да, у меня опять запой:
я пью стихи шестые сутки.
Не спирт, не водка предо мной,
не пиво, а Иосиф Уткин.

Ахматова - а не коньяк,
Омар Хайям - а не настойка,
и не вино, а Пастернак.
Какая славная попойка!

Надпись на книге "Гнездо поэтов"

Зима. Все гнёзда опустели...
Вот и из этого гнезда
птенцы давно уже слетели
на крепких крыльях кто куда.

ВОЙНА

И снова смерть, огонь, спецназ
и установки "град",
и слёзы падают из глаз
как чёрный виноград.

Земля пылится, как зола,
ломает зубы сталь.
Цветут вовсю деревья зла,
словно в горах миндаль.

* * *

Не проходите мимо лопуха
или совсем простой, скажем, полыни,
в них жизни ключ — мелодия стиха,
и полное отсутствие гордыни.

* * *

Мы пишем книги, изучаем быль,
о космосе, об атоме мечтаем.
Но испокон растет в степи ковыль,
а мы о нем знать ничего не знаем.

Из палатинской антологии

Скряге Гермону приснилось вчера,
будто он много потратил добра.
Горько скорбя о потере такой,
скряга наутро покончил с собой.

* * *

Дожди, дожди, идут дожди,
унылые и затяжные.
Под ними, как грибы, вожди
растут в берёзовой России.

И каждый вновь рождённый вождь,
вобравший воду в свои жилы,
такой же долгий и унылый,
как опостылевший нам дождь.

* * *

Есть в этом мире кружевницы,
что вяжут строки и слова
на видимых лишь Богу спицах
в невиданные кружева.

Я знаю, наше поколение
готово души заложить,
чтобы подобные творенья
вместо оборочек носить.

* * *

Вином по скатерти струилась
в природе сумрачная лень.
И солнце медленно садилось
старухой на трухлявый пенёк.

И бытиё не торопилось
прожить назначенный ей миг.
И даже сердце не забилося
в ответ на жалобный твой крик.

* * *

Есть много дел на свете интересных:
глядеть в огонь, плевать в водоворот,
лежать в тени, пить пиво, слушать песни
и знать, что на тебя работает народ.

* * *

Грудь твоя – постоянный магнит.
В том, наверное, всё и дело,
что она мои мысли и тело
постоянно к себе манит.

* * *

Глядел я в небо. В тёплых облаках
я находил, как в фильмах сериала,
всё то, что так мне остро не хватало
в убогой жизни и простых мечтах.

* * *

Родился человек не потому,
что повстречались некогда два тела,
а потому, что мать не пожалела
ни сил, ни крови чаду своему.

* * *

Не кусай мне губы,
не дави на грудь.
Ну, хоть ты, подруга,
милосердной будь.

* * *

Непогода, прямо жуть,
больше месяца,
Толь пожить ещё чуть-чуть,
то ль повеситься?

Иль слететь совсем куда
черным вороном?
Не летела б лишь беда
в ту же сторону.

* * *

Её рука ласкает и казнит,
дарует жезл, безжалостно бичует.
Недаром кто-то руку ту хулит,
а кто-то с благодарностью целует.

* * *

Ты, как всегда, была права,
но я тебя, увы, не слушал.
Как камень в воду, в мою душу
упали мудрые слова.

Упали и легли на дно,
не потревожив самомнения.
А вот теперь пришло прозреньё,
да только позднее оно.

* * *

Как много ухабов и трещин
и прочих трудных моментов.
Эх, если бы не было женщин,
не было б и алиментов.

* * *

Идёт толпа. Вперёд, братки!
За нами! Морды бей!
В толпе, обычно, дураки,
кто поумней - над ней.

БЮСТ

Из разукрашенного гипса
или из бронзы пустозвонной
мне бюст вождя во сне не снится,
но бюст красавицы влюбленной,
до ласк бессовестных охоч,
перед глазами день и ночь.

* * *

Созвездие Ковша, Стрелец, Кассиопея –
всё рядом, только руку протяни,
живёт под вами матушка Расея,
считая на костяшках трудодни.

Поднять глаза, чтоб посмотреть на небо,
открыть во всю от изумленья рот,
не можем мы, поскольку ширпотреба
и, больше ничего, желает наш народ.

* * *

Вот и старость моя приближается,
все симптомы о том говорят:
мне старушки в глаза улыбаются,
а девчонки вослед не глядят.

* * *

Что мне солнце, что дождь, что тучи,
что мне власть и общественный строй,
если ночью и днём меня мучат
боль зубная и геморрой.

* * *

Мы все работать понемножку
привыкли испокон веков,
но вот копать свою картошку
умеет люд без дураков.

Откуда сила в том народе
и страсть такой величины?
С утра до ночи в огороде,
как копны, задницы видны.

МЕДИЦИНСКИЕ ПРОПИСИ

1.

И лекарственные травы
могут быть хуже отравы.

2.

Если денег нет в кармане
начинайте голодanie.

3.

Коли мучит понос с болью,
значит, пейте водку с солью.
Ну, а коль понос без боли,
пейте то же, но без соли.

4.

Не надо забывать о том,
что ваша Родина – роддом.

5.

Нет занятия полезней,
чем любить свои болезни.

АВТОЭПИГРАММЫ

1

Слегка похожий на барана,
всегда не чёсан и не брит,
известный вам А.В.Степанов
с карандашом в руке сидит.

Задумал он писать поэму
глав что-то около восьми,
но вот никак придумать тему,
не может, чёрт его возьми.

2

Известный вам А.В.Степанов
придумал тему, наконец.
Поскольку сам он из баранов,
поэма будет про овец.

* * *

Умирает речка – мало в ней воды,
тяжко без воды ей и без рыбы,
видно, неводы наделали беды
да дырявые головы, либо

все мы живём на земле без души,
как иностранцы и иностранки.
Вот и выходит, где плавали ерши,
там плещутся консервные банки.

ИЗ ОМАРА ХАЙЯМА

То платье дарят небеса и делают эмиром,
то как головку чеснока разденут перед миром.
Не думай лучше о судьбе, твое ли это дело,
а то покинет ум тебя, как старца после пира.

МЫ ВЕРИЛИ...

Мы верили всему, что говорили,
раз говорили, – верили тому.
А несогласные – в могилу и тюрьму
бесплатные путевки получили.

А вот теперь – не верим никому,
но путь всё тот – в могилу и тюрьму.

КОНЬЯК

Поспорили однажды Конь и Як,
кто человека сможет победить в сраженье.

Дрались по одному и так и сяк
лохматый бык и бешенный рысак,
но не хватало им ни сил, и ни везенья.

Собрав все силы, как боксёр, в кулак,
они вдвоём затеяли сраженье.

И человек упал.
Смешное поражение
ему нанёс трёхзвёздочный Коньяк.

ПАРАД НАСЕКОМЫХ

БОЖЬЯ КОРОВКА:

Похожа я и впрямь немножко
не на коровку, на бычка,
поскольку есть у меня рожки,
но нет ни капли молочка.

МУРАВЬИ

Им строить бы мосты да хаты,
да продолжать свой жалкий род.
Но есть и среди них солдаты,
и мир, как нас, их не берёт.

БОГОМОЛ

Ему название такое
дано не в бровь, а в глаз.
Он занимается разбоем
и тут же молится за нас.

БАБОЧКА-КАПУСТНИЦА

В её головке нет идей
и чувств изысканных не густо,
поскольку всех своих детей
нашла она среди капусты.

СТРЕКОЗА:

Я – бабёнка-егоза,
моё имя – стрекоза.
А вокруг, как черти злы,
вьются роем стрекозлы.

ТАРАКАНЫ:

У нас есть кухни и сортиры,
подъезды, мусоропровод.
Но люди – пакостный народ –
нахально лезут к нам в квартиры.

УХОВЁРТКА

Она изящна и страшна,
блестит, словно натёрта воском,
и в то же время так гнусна.
Ну, словом, истинно двухвостка.

КЛОП:

Не любят наш клопиный род,
как ни прискорбно это, люди,
всяк давит нас, и всяк нас бьёт.
Зато мы их до боли любим.

КОМАР:

Нет, комары кровь не сосут,
комар-мужик всегда смирённый.
А жёны пьют, что скажешь тут,
но ведь на то они и жёны.

КОЛОРАДСКИЙ ЖУК

О том, что этот жук из Штатов,
сказать вам сможет и дурак,
поскольку весь он полосатый,
как государственный их флаг.

МОЛЬ:

Я, видно, родилась звездой:
всегда в мехах, и вкус хороший,
и люди бегают за мной
и громко хлопают в ладоши.

ОСА:

Вам всем, наверное, известна
моя, как нитка, талия.
А, может, будет интересно
узнать, как жалю я?

РАБОЧИЕ ПЧЁЛЫ:

Мы необщительны и строги,
всегда спешим, как на пожар.
И в то же время мы, как боги,
едим и пьём один нектар.

ТРУТЕНЬ:

Меня хоть как ты назови,
но только сам сумеи-ка
отдать всю жизнь за миг любви,
как грош или копейку.

ПЧЕЛИНАЯ МАТКА:

Я вся в заботах, но порой
мне это всё надоедает,
я собираю в улье рой
и с ним из дома убегаю.

ПЧЕЛИНЫЙ ВОЛК:

Я в пчёлах точно знаю толк,
но не хочу точить балясы:
раз волк я, то, как всякий волк,
люблю не мёд, а мясо.

СОРОКОНОЖКА:

За что меня не любит Бог,
чем перед ним я виновата,
как можно сорок пар сапог
купить на мужнюю зарплату?

ВОДОМЕРКА:

Кто из нас не вовсе глупый,
жив, по крайней мере,
всяк толчёт водицу в ступе,
я же воду мерю.

ДОЛГОНОСИК АМБАРНЫЙ

Всяк долгоносик: мал и стар
не ищет ни земли, ни неба.
Он сунет долгий нос в амбар
и кормится амбарным хлебом.

МЕДВЕДКА:

Я, слава Господу Иисусу,
нашла свой жребий под землёй,
мне всё по нраву, всё по вкусу,
ваш огород – мой дом родной.

САРАНЧА:

Мы делаем всё стайей:
рождаемся, сидим,
мы вместе все летаем
и вместе всё едим.

ВОШЬ ГОЛОВНАЯ:

Всего сильнее люблю людей:
чернявых, белобрых,
и всех других смешных мастей,
лишь ненавижу лысых.

ВОШЬ ПЛАТЯНАЯ:

А я, как и любая вошь,
люблю людишек тоже:
и стариков, и молодёжь –
лишь были бы в одеже.

ВОШЬ ЛОБКОВАЯ:

И мне испортили вы кровь,
и мне не все вы рады,
хотя за пылкую любовь
я – лучшая награда

МУХА:

Горжусь я тем, что мои дети
и дети всей моей родни
живут с рожденья в туалете,
и пахнут вкусненько они.

ПОДЁНКА:

Иные сотни лет на свете прозябают,
дрожа от страха за свои тела,
а я живу лишь день, но мне его хватает,
чтоб завершить все нужные дела.

МАЙСКИЙ ЖУК:

Всего полезней майский мёд,
целебней – майская крапива.
Я – майский жук. Не зря народ
всё майское считает дивом.

ТЛЯ:

Ну, чем мы вам не нравимся?

Беда с этим народом!

Мы даже испражняемся

хоть падевым, но мёдом.

БЛОХА:

Со мной со скуки не помрёшь:

начнёт чуть-чуть смеркаться

и будь ты царь, ядрена вошь,-

придётся почесаться.

СВЕРЧОК:

Я точно знаю свой шесток

и ни на что не претендую,

найду за печкой уголок –

всю ночь пою я.

КУЗНЕЧИК:

Не кузнец я, а кузнечик,

значит, маленький кузнец,

значит миничеловечек –

мироздания венец.

ШЕЛКОПРЯД:

Пряду я шёлк, да всё без толку:

нет славы, нет зарплаты.

Стране не надо столько шёлка,

а люд наш небогатый.

СЛЕПЕНЬ:

Я – кровосос по назначенью,
но и меня грызёт обида.
Я слеп, считайте, от рожденья,
но нету льгот для инвалида.

ЖУК-ОЛЕНЬ:

Изящен я, красив рогами
и бьюсь за самок ночь и день,
к тому ж летаю. Перед вами
весь в инновациях олень.

ПАЛОЧНИК:

Я сам себе ужасно люб,
похож на ветвь с корой и лубом.
Возьму, залезу я на дуб
и выгляжу дуб дубом.

МОСКИТЫ:

Мы запугали так народ,
что и сейчас нередко,
где даже не живёт наш род,
народ сидит за сеткой.

КЛОПЫ-СОЛДАТИКИ:

Нам солдатам по ранжиру
полагается экстрим,
наряжаемся в мундиры
и... на солнышке сидим.

САХАРНАЯ ЧЕШУЙНИЦА:

Я слаще рафинада,
не верите – проверьте.
Лижите, если надо,
но только не до смерти.

БАБОЧКА-КРАПИВНИЦА:

Одни живут на сыре с колбасой,
другие на шампанском да на пиве,
а я, несчастная, со всей своей семьёй
живу всё время на одной крапиве.

МУРАВЕЙ:

Я не вошь, а муравей.
Мы не родня и точка,
хоть селюсь я в голове
у лохматой кочки.

ЖУК-НОСОРОГ:

Объясните, ради Бога,
(сам я выяснить не смог):
отчего у носорога
на носу растёт мой рог?

ШЕРШЕНЬ:

Я оса, но совсем не простая,
у меня свой законный апломб:
я не жалю и не кусаю,
просто бью в толоконный ваш лоб.

КОБЫЛКА:

Я – кобылка, не кобыла,
хоть, как конь, скакать могу.
Как Пегас я легкокрыла –
нету краше на лугу.

МОШКА:

Я – мошка, муха небольшая,
меня обидит даже трус.
Но берегитесь, когда стает
в тайге хозяйничает гнус.

ЯЗЫКАН:

А я в нектаре знаю толк,
не хуже, чем колибри-птица.
Чтоб обобрать любой цветок,
не надо на него садиться.

ШМЕЛЬ

По сути, я – большой добряк,
цветочки обожаю.
Я не кусаюсь просто так...
Но в жизни всё бывает.

ЖУК СКАРАБЕЙ

Я – священный скарабей –
верх апофеоза,
хоть кормлю своих детей,
каждый день навозом.

СВЕТЛЯЧОК:

Люблю технический прогресс,
а с ним иллюминации.
Я свет даю, словно АЭС,
без всякой радиации.

ЦИКАДЫ

Мы – мастера эстрады,
причем, с давнишних пор.
Когда поют цикады,
другой не нужен хор.

ГНИДА:

Зря вы подняли бузу,
бьёте нас, как татей,
я же вас не загрызу,
я – ещё дитятя.

PS.

ПАУК:

Я насекомым всем безмерно рад
и вам скажу: «Спасибо за вниманье»,
хотя для вас они всего лишь хит-парад,
а для меня ещё и пропитанье.

* * *

Всплывает солнце где-то вдалеке,
причёску поправляет, глядя в реку.
Чтоб видеть чудо, даже в пустяке,
родиться надо русским человеком.

Бежит туман, пеняя на рассвет,
поёт скворец на языке природы.
Я отмахнулся от грядущих бед,
и позабыл все бывшие невзгоды.

Я погрузился в этот мир чудес,
что на виду у всех, что с нами вечно.
Ах, Боже мой, я, словно ты, воскрес
и сразу добрым стал и человечным.

Гляжу с волнением на рожденье дня,
любуюсь на туман и пенье птичье.
Душа теплеет, словно от огня,
осознавая Божие величье.

В России нет изысканных красот,
чем манят нас, порой, иные страны.
Зато, смотрите, солнечный восход
в сто раз сочнее восходов иностранных.

Прислушайтесь, российские скворцы
такие нынче выдают колена,
что, лучшие заморские певцы
не могут петь вот так самозабвенно.

Быть может, я особенный чудак,
что в мелочах отыскивает чудо,
и самый незначительный пустяк
как сказку принимает мой рассудок.

А, может быть, всё дело не во мне,
а в добром слове и особой вере,
в моих друзьях, во всей моей родне
и тёплой деревенской атмосфере.

* * *

Сегодня солнце не взошло
без видимой на то причины.
Вместо него на небосклон
взошло тринадцать апельсинов.

И капал с поднебесья сок,
и люди радовались соку.
А мимо проходил пророк,
но было им не до пророка.

Никто не слышал его слов,
никто не принял его веры.

Он шёл по коркам от плодов,
словно спаситель на галеры.

А ночью не взошла луна,
и тоже как-то беспричинно.
Вместо неё большой банан
закрыл наш мир наполовину.

И снова ликовал народ,
не видя в радости порока,
и не настал опять черёд
в цепи событий для пророка.

Напрасно тратил он слова,
их, как всегда, никто не слушал.
Они, как старая листва,
катились ветром по бездушью.

И где-то пропадал их след,
а с ним надежда на спасенье
на сотни предстоящих лет
после бесовского виденья.

* * *

Я сегодня с утра,
как больной или пьяный,
даже мысли ничьи,
и в глазах пелена.

Ты приснилась, потом
растворилась туманом,
словно в мае весна,
словно в мае весна.

Для чего ты спешишь
в этот мир равнодушный?
Там лишь горе одно,
там повсюду война.
Посиди хоть чуть-чуть,
успокой мою душу,
растопи чёрный снег,
как в апреле весна.

Я зажгу для тебя
своё сердце, как свечи,
пусть пылает оно
и поёт, как струна.
Распахни шире дверь,
улыбнись мне навстречу,
словно в марте весна,
словно в марте весна.

ВОЛК И КОМАР

Басня

Комара бедолагу Волк хватил по плечу:
«Ты послушай, Комарище носатый,

я с тобою, бродягой, подружиться хочу,
поделиться и пищей, и хатой.

Будешь ежедневно лакомиться куском,
соберу тебе баб со свету,
пальчики оближешь, просто кровь с молоком,
хоть бадьями хлещи кровушку эту».

А взамен-то и дел Комару – пустяки
(будто с неба упал жирный кус ему):
надо, чтобы он сам и его свояки
не тревожили волков укусами.

Забурел Комар, загудел в лесу,
сыт и пьян всегда, брюхо кровное,
утром жрёт быка, а в обед – козу
и за ужином всё скоромное.

И на том добре стал жиреть Комар,
материть да хулить матёрого:
«Мне заморский, – кричит, – подавай товар
и икры хочу осетёровой».

Шлёт подарки Волк, ничего не жаль:
получай слона с носорогом.
«Только ты, – говорит, – моих деток не жаль
и жену мою тоже не трогай».

Но дурит Комар, рвётся вон из жил:
«Ишь чего захотел, ублюдок,
подавай их сюда, кровь спущу из жил,
засосу в кишки да в желудок».

Тут уж Волк не стерпел: «Ах, ети-разъети, –
и не стал бороться с искусами,
щёлкнул в нос Комара. – Ну-ка, вошь, лети,
чёрт с нимя с твоими укусами!»

* * *

Я спал уже. И, вдруг, звонок. С вокзала
звонил приятель, язви его мать!
Приехал он откуда-то с Ямала,
хотел со мной немного поболтать.

«Лови такси, я жду уже в прихожей, –
повесил трубку, – что ж, гостей встречай,
приятель, хоть совсем не друг, но все же
придётся пить на кухне ночью чай».

Иван Орлов – приятель институтский –
проездом здесь на несколько часов,
а вообще он должен через сутки
успеть на встречу важную в Ростов.

Я чай разлил, но, видимо, Ивана
чай краснодарский не привёл в восторг:

«А нет ли у тебя таких больших стаканов,
какими раньше пили портвешок?

Давай, с тобой ямальского настоя
по чуточку, чтоб память ожила,
чтоб не забылось время молодое,
а с ним любовь и прочие дела».

Мы пили спирт. По кухне разговоры
пошли под тот настой о том, о сём:
признали мы, что всё начальство – воры,
и лишь оно не ведает о том;

что обнаглели наши депутаты,
что распоясались сотрудники ГАИ.
Потом был чай. Припомнились ребята:
его друзья, ну, и друзья мои.

Иван вздохнул, прижал к щекам салфетку,
сказал чуть слышно: «Помнишь ты иль нет,
как я любил Никифорову Светку,
как без неё не мил был белый свет.

А ты любил, кажись, Петрову Тоню,
высокую в пальтишке из джерси?»
«Да, брось, Иван, я ничего не помню,
попробуй легче что-нибудь спроси».

«А я доныне не забыл про Светку,
живу один, всё время что-то жду.
Эх, жизнь-тюрьма, и небо моё в клетку,
такой вот жребий выпал на беду».

Но вот и утро. Огоньком мигая,
такси, торопит городской рассвет.
Иван сказал, на лестнице прощаясь:
«Увидишь Светку, передай привет».

Я мямлил что-то, жал поспешно руку,
и что-то ставил сам себе в вину.
О, Боже мой, какая ж это мука,
знать то, что любят так твою жену.

* * *

Лес валили мужики,
падали берёзы.
Впрочем, эти две строки –
будничность и проза.
Был морозец небольшой,
споро шла работа,
под пилы противный вой,
вдруг, споткнулся кто-то.
Кто-то страшно закричал,
жутко взвыло эхо,
а за ним захохотал
леший диким смехом.

Вверх взлетело вороньё —
аж мороз по коже.
—Что случилось, ё-моё?
—Да беда, похоже.
Почернел прозрачный лес,
заходили тучи,
как естественный рефлекс
на несчастный случай.
Снег посыпал на помин,
лес засыпал прахом.
Лесорубы, как один,
кроют небо матом.
Ни начальства, ни врача
на сто вёрст в округе,
ни бутылки первача,
помянуть о друге.
Он с берёзой на снегу,
как с женой, в обнимку,
приумолкли, ни гу-гу —
небо им с овчинку.
На перине снежной кровь,
ветки и опилки.
Да, одна у них любовь —
разные могилки.

* * *

Кумиров много по земле рассеяно,
одних люблю, ну, а других боюсь.
Молюсь я дома тихо на Есенина
и на портрет, и на стихи молюсь.

Распались и развеялись пророчества,
казалось бы *тогда* незыблемых вождей.
Но вот поэтов простенькое творчество
сильнее оказалось и умней.

Стихи великих неподвластны времени,
не то, что речи всяческих пройдох.
Друзья, молитесь вправду на Есенина,
в его стихах и ангелы, и Бог.

* * *

Я, как лист, закружил над поляной,
выбирая куда бы упасть.
До чего ж этот мир окаянный,
всюду снег да холодная грязь.

Хоть бы лужица с тёплой водицей
да травы изумрудный ковёр.
Как не хочется в грязь опуститься
на посмешище и на позор.

Осень мне заступила дорогу,
брызжет холодом прямо в лицо.
Я не умер ещё, но немного
ощущаю себя мертвецом.

Всё кружусь и кружусь над поляной,
словно лист на последнем пути.
До чего ж этот мир окаянный:
не могу себе места найти.

* * *

Серые берёзы, серые осины,
за окном вагона дождик без конца
размывает грустные серые картины,
созданные кистью Вечного Творца.

Серые соседи, скромные наряды,
будничные лица, тусклые глаза.
Кто-то спит, а кто-то путается рядом
в паутине мыслей серых, как кирпич.

Ни одной улыбки, ни единой шутки,
даже ветер-пакостник за окном утих.
Женщины, как совы, кутаются в шубки
и сидят, нахохлившись, на суках своих.

ФРАНСУА ВИЙОН

Е.Лазарчуку

Народ смеялся надо мной,
считал, что я дурак отпетый.

А я был истинный герой
родился, коль, и жил поэтом.

Я дрался, пил и горло рвал,
стихи писал. При всём при этом
с красивой аббатисой спал
и, кстати, не всегда валетом.

Слова седлал я, как коней,
друзья их слушали и пели,
мой голос над планетой всей
пронёсся вроде карусели.

Петля, круглее, чем Земля,
на жизнь накладывает вето.

Я умер бы, но о-ля-ля,
не умирают так поэты.

* * *

Всё проходит, пролетает мимо,
словно пух с отцветших тополей,
лёгким ветром по земле гонимо
гибнет в дебрях памяти моей.

Забываю адреса и званья,
имена знакомых и друзей.
Обещал – не помню обещанья,
клятву дал – не помню, хоть убей.

Извини, забыл про день рожденья,
не поздравил, не принёс цветы.
Память, память, все мои стремленья
навсегда похоронила ты.

Я уже не лезу сквозь терновник,
не кручусь, как белка в колесе.
Слава Богу, никого не помню,
и меня давно забыли все.

В забытии – великая отрада,
словно в сказке – дальше так умней.
Загубить бы душу.... Знаю, надо,
но зачем, не помню, хоть убей.

* * *

Ветер жизни спешит, ускоряя свой бег,
наши души в миру, словно листья швыряет.
Только я не живу, доживаю свой век,
ничего не хочу, никого не желаю.

У меня нет друзей, потому нет врагов,
не поможет никто, но никто не мешает.
Я один, будто перст, не хочу никого,
не ищу ничего, ничего не желаю.

Я покинул свой край, я умчал далеко,
я жестоко страдал, но теперь не страдаю.
Мне не нужен никто. Одному жить легко.
Ничего не хочу, ничего не желаю.

Кто зажжёт мой огонь, тот задует свечу,
пусть судьбою моей он, как в карты играет.
Я и жить не могу, умирать не хочу,
ничего не хочу, никого не желаю.

Я чужие сердца пожелаю врагу,
а меня же никто в гости в них не пускает.
Я любить не люблю, не любить не могу,
ничего не хочу, никого не желаю.

* * *

Вчера метель, позавчера метелица,
сегодня же погода хороша!
И выглянула Белая Медведица
на землю из созвездия Ковша.

Вот это да! Какая эпопея!
Раскинув над снегами два крыла,
летит, как птица, вдаль Кассиопея
мимо в снегах уснувшего села.

За ней спешат все новые созвездия,
чтоб только не остаться на земле,
там в небе есть и мир и благоденствие
и нет забот о хлебе и рубле.

Я сам с ума сойти давно не против:
вот так бы птицей – и за облака.
А там средь звёзд избавиться от плоти,
и ангелом остаться на века.

* * *

Нам не сыплют с неба манну,
жить тут тоже нелегко.
Но зато мы пьём туманы
как парное молоко.

Здесь красот на все фасоны,
здесь вокруг поля чудес.
Мы питаемся озоном
и вдыхаем в души лес.

А вокруг густые травы:
клевера да зверобой.
Нет прекраснее оправы
для фантазии любой.

Любоваться можно смело
этим чудом без гроша,
чтоб сильнее стало тело
и восторженной душа.

Мы не гонимся за славой,
слава – радость дуракам.
Любо нам, что лес и травы
узнают нас по шагам.

Ну, а если будет горе,
или беды – не беда,
жизнь здесь лечит, словно море,
как целебная вода.

* * *

Мы лезли в горы, кланялись Памиру,
тащили ледорубы, рюкзаки,
чтоб доказать несведущему миру,
что снежные живут здесь мужики.

Когда мы вышли, многие пугали,
мол, кровожаден снежный патриарх,
сидели б лучше вы в читальном зале
или ловили тихих черепах.

А нам плевать на эти разговоры,
мы человека снежного живьём
назло врагам, завистникам и ворам
на цепочке в деревню приведём.

Мы сорок дней не ведали привала,
считай, ползком обшарили Памир,
порой жевали камни с перевалов
и облака лизали как зефир.

И всё ж труды не пропадают даром:
то ль Бог подал, то ль просто повезло,
поймали монстра мы и под фанфары
доставили в соседнее село.

Учёные слетелись, словно мухи,
дотошно изучают мужика,

и тут же любопытные старухи
сочувственно глядят издалека.

Когда ж профессор крупного масштаба
решил его исследовать ножом,
одна уже немолодая баба
вдруг закричала тонким голоском:

«Одумайтесь! Постойте, живоде́ры,
не трогайте, не трогайте живот,
ведь это наш киномеханик Жора,
он всё ещё встречает Новый год!»

* * *

Милая хрупкая девочка
просит тихонько отца,
не «Мишку» купить, не «Белочку»,
а два простых леденца.

На чью-то усмешку, краснея,
она сказала в ответ:
«По мне, леденцы вкуснее
любых дорогих конфет».

В карманах пошарил папа,
деньги взял продавец.
«Мне – бутылку «Анапы»,
а дочери – леденец».

Глупая, глупая девочка
с улыбкою в пол-лица
скачет вокруг, словно белочка,
радостная за отца.

И нет у неё сомненья,
простой, беря леденец,
что лучшее в жизни мгновенье
ей подарил отец.

ПРЕДНОВОГОДНЕЕ

Зима – мне совсем как сестрица по духу
всё крутит в степи карусель,
то снегом лебяжьим, то северным пухом
мою устилает постель.

Она, как пушинка, пустилась кружиться,
руками её не поймать,
то в платье вечернем, то в кофте из ситца,
то в чём родила её мать.

А снега всё больше, а ветер всё круче,
всё яростней круговорот,
роняют на землю лохматые тучи
ей предновогодний эскорт.

По полю, по лесу с холодной метелью
она мчит на тройке коней.
О, вечный азарт, о, сплошное веселье,
о, тысяча ярких огней!

А кто-то хохочет с надрывом вдогонку,
а кто-то рыдает в углу.
Крути-ка, снегурка, крути-ка, бабёнка,
судьбу свою, словно юлу.

Лети бесшабашно, будь вечно хмельная,
не прячь своё счастье в сусек.
В полёте вся правда, а тот, кто летает —
достойный любви человек.

* * *

В деревне мы. Вот пасека и сад,
уже зовут с медком напиться чаю.
Здесь тишина: трамваи не стучат,
и сотовые здесь не докучают.

Кто пожелает, может обойти,
не торопясь, луга, лесные чащи.
В деревне всё, что хочешь, по пути,
и каждый кустик только настоящий.

Куда ни кинь, нигде ни капли лжи,
всё от рожденья истинно и право.
Уж если рожь, то и колосья ржи
вас не напоят горькою отравой.

Березку встретишь, можешь подойти,
поговорить о чём-нибудь спокойно,
она поймёт, а надо и простит,
и пожалеет, если будет больно.

А как чудесны ночи на селе,
как удивительны рассветы и закаты.
Лишь здесь поймёшь, что счастье на Земле
живёт покамест в деревенских хатах.

Спроси, возьми, пристрастно хоть кого,
кто здесь кумир, кто жаждет поклоненья.
Тут все равны, тут каждый – божество,
и в этом нет ни капельки сомненья.

* * *

Я так устал, я задохнулся в беге,
я чуть держусь, но всё-таки бегу,
как будто бы от Альфы до Омеги
я прошагать спокойно не могу.

Боюсь отстать, срезаю повороты,
уже со лба не смахиваю пот,

надеюсь, может, обгоню кого-то,
а может, кто с дистанции сойдёт.

Но вот и финиш. Слава Богу, первый!
Упал и душу сразу испустил.
Мотор подвёл, не выдержали нервы
и не хватило мужества и сил.

Лежу в пыли: ни ангела, ни беса...
Глядят глазницы мёртвые назад.
Там, вдалеке, не зная ни бельмеса,
живут спокойно те, кто не спешат.

А я бежал, старался для народа,
глядел вперёд, тянул всех за собой.
Прошёл лишь день, и вышел я из моды,
и мир уже смеётся надо мной.

* * *

Словно свечку в ночи задули,
страшно так и в глазах темно,
то ли в голову стукнула пуля,
то ли выпитое вино.

Потерялись красивые думы,
что ни слово корявый бред.
Пробираюсь путём Аввакума
через тернии на тот свет.

Не кричу, не ругаюсь, не плачу,
не ищу, кто устроил подлог.
Чьи-то грязные ноги удачу
растоптали, как нежный цветок.

Оказалось, что всё тут не к спеху,
и ничто не имеет цены.
Всё потеха лишь да потеха
от братания до войны.

Я лежу, словно пёс, на могиле,
ветер плачет, как старый баян.
Может быть, меня насмерть убили,
или снова до чёртиков пьян?

Хохочите — беда не большая,
это зло — невеликое зло.
Горько лишь, что я точно не знаю,
куда душу мою понесло.

* * *

Всё б ничего, но только в драке
уже не просто мордобой,
а танков дьявольские траки
грызут асфальт на мостовой.

И жадно ищут жерла пушек
хоть маломальскую мишень,

чтоб рвать тела в клочки, а души
ломать, как хрупкую сирень.

Взметнулись в небо самолёты,
неся, как бремя, бомбы в бой.
Горит земля, а с кем-то кто-то
всё продолжают мордобой.

Дымят печальные руины,
ворона очищает нос,
и почтальон вчера на сына
весть похоронную принёс.

Нет ни креста и ни букета,
нет ничего, что можно ждать,
лишь плачет над пустой планетой
войной обиженная мать.

* * *

Мне точно бы дали за это медаль,
я первым поднялся в атаку.
Но пуля ужалила сердце.
А жаль!
Так глупо закончилась драка.

«Жалеть, ни к чему, —
говорил нам комбат, —
не в этом солдатская сила.

Ведь пуля уже не вернётся назад,
и время остановилось».

Я видел, как с неба упал херувим,
как ветер утих, а снаряды
замолкли и, словно в безветрие дым,
зависли над нашим отрядом.

А солнце закрыло от боли глаза
и умерло вместе со мною,
и неба бездонного, вдруг, бирюза
окрасилась чёрною мглою.

Теперь не придут ни тепло, ни весна,
ни мама с сестрёнкою милой.
Вот так получилось, что пуля одна
весь мир наповал поразила.

* * *

Я сегодня из боя
вышел жив и здоров,
так же выжил со мною
томик чьих-то стихов.

В книге нету начала,
в книге нету конца.
Жизнь её потрепала,
как простого бойца.

Ведь бывает такое!
Хоть на пару минут
эту книгу раскрою,
вижу мать и жену,

вижу домик с оградкой,
вижу край свой родной.
Так становится сладко,
будто съездил домой.

БРАТУ

Бывает, взрываются мины,
случается, выстрел в упор.
Ветер гонит кручину
за сотни земель и гор.

Мы водки выпьем с друзьями,
снова ввяжемся в бой,
вздрагнет под сапогами
маленький шарик земной.

Ни трусов здесь, ни героев,
ни ангелов, ни чертей,
но после каждого боя
меньше и меньше друзей.

Сегодня мне впился в глотку
осколок, словно бульдог,
и звёздочка на пилотке
в траве цветёт, как цветок.

Товарищ мой, Санин Вовка,
в небо взглянув с тоской,
выронил вдруг винтовку
и рядом упал со мной.

Я вспомнил на миг о доме,
представил в последний раз
твой облик, как в фотоальбоме,
и слезы твои из глаз.

Ах, мама, добро и худо
ходят рядом всегда,
гонят их ветры – паскуды
по сёлам и городам.

Нынче чёрные силы
взяли к себе друзей.
На каждом шагу могилы
лучших российских парней.

Кто-то тёплую водку
будет пить до утра,
а утром, надев пилотку,
навек уйдёт со двора.

* * *

Мой милый друг,
небесных сфер вращенье,
и тайный ход обманчивых светил
нам предрекают новое рожденье,
а, может, воскрешенье из могил.

Мой милый друг,
коль в этом нет обмана,
нас встреча ждёт с тобою впереди.
Что перед этим ссадины и раны,
болезни и волнения в груди!?

Мой милый друг,
пусть нас поит надежда,
пусть согревают вера и любовь.
Как хорошо всё то, что было прежде,
как сладко будет всё изведать вновь.

* * *

Не делайте постыдного, друзья,
ни перед людом и не перед Богом,
себя судите неподдельно строго.
Не делайте постыдного, друзья.

Даже когда вы в комнате одни,
не думайте, что вы в уединенье.

Портреты есть, есть призраки и тени
даже когда вы в комнате одни.

Они всегда толпятся возле нас,
как свита возле царственной персоны,
следят в сто глаз, как мы блюдем законы.

Они всегда толпятся возле нас.

Подумайте о мире об ином,
не бередите совесть наших предков
дешёвой бестолковой опереткой.

Подумайте о мире об ином.

* * *

Ларисе Кравченко

Лишь два наречья на земле звучат:
стихи да проза и ничто иное.
Стихами люди с Богом говорят
и души задевают за живое.

Они ведут на бой и вводят в грех,
порой, питают страсти человечьи.

А проза...

проза, в общем-то, для всех,
она ясна, как наши с вами встречи.

Но есть и в этой жизни чудеса.
Когда поэты сочиняют прозу,

она летит жар-птицей в небеса,
и перед Богом расцветают розы.

* * *

Когда-нибудь в зловещей тишине
я растворюсь, и суть моя в растворе
исчезнет навсегда. Так испокон в вине
бесследно тонут радости и горе.

Но что такое человечья суть?
То образ мой, моя душа иль тело,
и есть ли на земле другой какой-то путь,
чтоб от меня хоть что-то уцелело?

Мне надо знать: стремления, мечты,
души порывы, страсти и волненья
исчезнут в лабиринтах пустоты
иль всё-таки избегнут растворенья?

* * *

Живут же люди, скатерть самобранки
у каждого, считай что, на столе.
А я живу в деревне Серебрянке,
копаюсь то в навозе, то в земле.

Ни отдыха, ни роздыха не знаю,
и день, и ночь – всё непосильный труд,

да, кстати, в нашем незавидном крае
все, как один, подобно мне живут.

Вчера покос, сегодня «стройка века»,
сооружаю погреб на века.
Так постепенно будни человека,
съедают, словно птицы червяка.

И впереди всё хмуро без просвета:
ни музыки, ни цирка, ни кино,
и все другие развлечения света
забыты нами накрепко давно.

Живут же люди: жёны, куртизанки,
курорты на Канарах и в Крыму.
А я живу в деревне Серебрянке...
и несказанно радуюсь тому.

ЗВЕЗДА ПОЛЫНЬ
Звёзды – Божьи огоньки,
словно камни-самоцветы,
все земные уголки
озаряют добрым светом.

Шлют и в холод, и в жарынь
звёзды весточки из рая.
Лишь одна из них – Полынь
никогда добра не знает.

У неё лучи, как яд,
травят и разят живое
на земле и под землёю
миллионы лет подряд.

Смотрят вверх через эфир
в телескопы астрономы,
изучают незнакомый,
как душа чужая, мир.

По порядку перечли
звёзды, спутники, кометы,
астероиды, планеты,
но Полюни не нашли.

Космонавты шар земной
облетели беззаветно,
говорят авторитетно:
«Нет Полюни никакой».

Философы, сотни лет
прокопавшись в книжной пыли,
как один провозгласили,
мол, нигде Полюни нет.

Только я не верю им.
Знаю, где-то в дальней дали,
где и черти не плясали,
есть звезда, как горький дым.

Это лишь её вина,
что рождаются уроды,
что, везде идёт война
и свирепствует погода.

Знаю я наверняка:
за чужие скрывшись спины,
лёт она исподтишка
на людей дурман полынный.

Эх, сыскать бы ту звезду
да стащить бы с небосвода,
и лишить её свободы,
чтоб навек изжить беду.

Только кто её найдёт,
коль искать никто не хочет,
коль беспечно спит народ
беспросыпно днём и ночью?

А правители, хоть кинь,
в этом деле бестолковы,
с них и спросу никакого.
Сами хуже, чем Полынь.

* * *

Подобно красному дракону,
домой летящему во мгле,
скользит звезда по небосклону
по направлению к Земле.

От тайн извечных мироздания
она по доброте своей
несёт Земле огонь познания,
как древним людям Прометей.

Но вдруг, блеснув на небосводе,
угасла, словно не жила...
У звёзд подобное в природе:
сгорать, не завершив дела.

ВЕНЕРИН БАШМАЧОК

Спеша однажды на точок,
Богиня красоты
сронила с ножки башмачок
на землю с высоты.

Искать ей было недосуг,
найдётся, чай, другой.
А он упал в траву на луг –
красивый и чудной.

Нашёл его какой-то гном,
примерил, жаль, велик,
и бросил в чаще под кустом
тот башмачок старик.

Пошли дожди, намок башмак,
дал корни и росток,
и вырос непонятно как
диковинный цветок.

Однажды люди в этот лес
послали дурака.
Он в чашу тёмную залез
и замер у цветка.

Сказал дурак: «Вот это да,
снесу его домой,
на нет, не будет и суда,
а цветик будет мой».

В тот день смеялись все, кто мог,
над этим дураком,
пришел домой он без сапог,
с каким-то башмаком.

Он всем показывал башмак,
совал его под нос,
наверное, считал дурак,
что он цветок принес.

И всё ж задумался народ:
«Как так, от башмака
чудесный аромат идёт,
как будто от цветка?

Тут что-то, видимо, не так,
пойдёмте всем селом.
В лесу дурак нашёл башмак,
мы сотню их найдём».

Кружили в чаще мужики,
считай, что до темна,
порвали в клочья сапоги
и больше ни рожна.

В лесу деревья и трава,
колючие кусты,
грибы, валежник на дрова
да странные цветы.

Не догадались мужики,
не напрягли мозги,
что перед ними башмачки
с Венериной ноги.

Пришли сердитые домой,
устали, как-никак.
Всю ночь смеялся, как шальной,
над умными дурак.

* * *

Солнечный лучик над маревом крыш
то появлялся, то прятался снова,
был он прозрачен и сказочно рыж,
как у соседа корова.

Он появлялся, как дама на бал
в платье из жёлтого с блёстками газа.
Ранний гуляка его провожал
истово и пучеглазо.

Утро ударило в колокол сфер
и разбудило селенье,
и начался на старинный манер
солнечный день воскресенья.

Хочешь-не хочешь, проснулся народ,
выполз на улицу «надо, так надо».
Вымя порожнее в поле несёт
шумное рыжее стадо.

Блохи кусают паршивого пса,
тот у крыльца чешет лапой за ухом.
МчитсЯ за стадом на всех парусах
спелая молодуха.

Пятки мелькают на мокрой траве,
скачут под кофтой бесстыжие груди,

рвутся, как птицы, взлететь к синеве
на удивление людям.

Бабка Матрёна спешит в огород,
надо крапивы нарезать гусятам.
Всё, Слава Богу, как надо идёт
в год её семидесятый.

Всё хорошо, мир на месте стоит,
каждое утро является солнце
и, словно барин запивший, дурит –
сыплет на землю червонцы.

Их подбирают, кладут в кошельки,
всякий мечтает хоть малость разжиться...
Если не эти бы вот пустяки,
в пору бы и удавиться.

* * *

Живу один, а Светка
мне не звонит. Ей лень.
Под окнами соседка
маячит целый день.

Нет ни детей, ни предков,
вся радость на столе.
Соседка, как медведка,
копается в земле.

Мне нравятся брюнетки,
среди них поменьше дур.
А во дворе соседка
гоняет пёстрых кур.

Жизнь, словно оперетка:
то слёзы, то канкан.
Красивая соседка
ни явь и ни обман.

Ты зря валяла, Светка,
всё лето дурака.
Соседка, как конфетка
липуча и сладка.

* * *

Выпил водки пузырь
и упал во грязь,
и о камень Латырь
головою – трясь.

То ль ушибся так,
то ль свалила дурь...
Вижу старый лешак
прёт сквозь лес, как зубр.

Увидал меня,
замер столб столбом,

а потом полдня
всё ходил кругом.

Нет бы чем помог:
похмелил хотя б,
иль укутал в мох,
чтобы я не зяб.

Усмехнулся дед –
сатанинский друг:
«Что ж, пошли отсед,
коли есть досуг».

Опустилась ночь,
да туман, да хлад.
Я б уже не прочь
повернуть назад.

Я простил бы всех,
я б отдал долги,
но в ночи, на грех,
не видать ни зги.

Колют ветки в бок,
словно жала пик.
За кустами волк
скалит жёлтый клык.

Под кустами змей
точит острый зуб.
Видно, что злодей,
ясно – душегуб.

Лезут нагло вверх
посреди тропы
ядовитый вех
да в червях грибы.

Из кустов сова –
душегуба брат –
говорит слова,
что ни слово мат.

И в болотах вонь,
пахнет серой газ.
Я сбежал бы вон
с сатанинских глаз.

Да ведёт лешак
дальше в тьму и глушь,
ускоряет шаг
и шипит как уж.

Я устал уже,
я от боли сник.
«Отдохнёшь позжей», -
проворчал старик.

Бьёт меня озноб,
пробирает дрожь,
хоть ложись во гроб,
пропадай за грош.

Закачался лес,
с неба грянул гром.
«Ты скажи мне, бес,
мы куда идём?»

«Да, пришли уже,
вон, среди берёз,
на гнилом кряже,
для тебя погост».

«Ты сошёл с ума,
старый вор и плут.
Это всё обман,
твои карты врут.

Я ж ещё не сед,
я же полон сил,
я ж ещё как след
не любил, не жил».

Засмеялся гад:
«Коль не любо там,
то тогда назад
выбирайся сам.

Вот тебе мой суд,
вот тебе мой сказ.
Ни вино, ни блуд
не одобрю аз».

Я гляжу во тьму –
не видать пути.
А по лжи и злу
нелегко идти.

Я крещу свой лоб,
и поклоны бью,
я стою, как столб,
да псалмы пою.

Слева злая топь
не ступить и шаг.
Стали зубы дробь
отбивать впотьмах.

Справа буревал,
что ни сук, то нож
Сквозь такой завал
дуром не пройдёшь.

Сзади стонет сыч,
кличет, зная, беду.
«Что же, старый хрыч,
я вперёд пойду».

И шагнул вперёд
прямо в тины мрак.
Так на эшафот
с песней прёт дурак.

Не нащупав дно,
повалился вниз.
Проклял я вино
и дурную жизнь.

Проклял баб и жён,
проклял гиблый лес.
Колокольный звон,
вдруг, потёк с небес.

Сотворил я крест,
супротив чертей.
Это ж благовест
для души моей.

Знать, не выдал Бог,
значит, будет день.
Подвязал сапог,
подтянул ремень

и пошёл вперёд
на церковный звон.

А бесовский сброд
мне грозил вдогон.

Но меня уже
не тревожит страх,
чую, стал дюжей
на семи ветрах,

чую, дух восстал,
вновь готов к бунтам.
Я ещё наддал,
тут и день настал.

Г А М Л Е Т

Опять упрёки, подозрения,
и жизнь, как конь, пошла в разнос.
Быть иль не быть? В чём тут сомненья?
Хотя вопрос совсем не прост.

Вокруг него родятся тайны,
интриги, заговоры, ложь.
И кто есть кто? А кто тут крайний?
Со стороны не разберёшь.

Я жажду знания и света,
ищу волхвов учёных рать,

что вразумительно ответы
на мой вопрос могли бы дать.

Но всюду тьма. Душа – потёмки.
Лишь призрак старого отца
глядит, как дева из светёлки,
в начало своего конца.

Что ж, это царская планида –
познать коварство и обман,
снести позор, стерпеть обиду,
простить зарвавшихся датчан.

И ни намёка мне, ни звука,
что лучше: быть или не быть?
Ответа нет. Какая мука
смирять сжигающую прыть.

Незнанья плод позорно горек,
он травит души, словно вех.
Зачем ты рано умер, Йорик,
меня бы спас твой добрый смех.

Да, в этом смысл всей эпопеи.
Нам так недостаёт добра,
а потому земля глупеет
из-за Адамова ребра,

из-за мамоны брат на брата
готовит в злобе пистолет.
О, Боже мой, ничто не свято,
когда добра в природе нет.

Когда в лесу живёшь с волками,
сам начинаешь с ними выть.
Умыл я руки. Вы же сами
решайте быть или не быть.

Чуток задумайтесь над этим,
у вас столетья впереди,
пусть поумней вас будут дети
и поудачливей вожди.

* * *

Обессилил дед Василий –
помирать бы надо.
Да метель заголосила
в голос за оградой,

да морозы-супостаты
холодят в три силы
и ни ломом, ни лопатой
не отрыть могилу.

Сын на днях устроил свадьбу,
молодых пропили.

«Надо, надо подождать бы,
потерпи, Василий».

Усмехнулась смерть старуха:
«Брось молоть пустое,
началась раз заваруха,
то терпеть не стоит.

Успокойся, ближе к раю
ни к чему сомненья.
Кстати, завтра, обещаю,
будет потепление.

И земляца будет пухом,
точно по заказу.
Да и я не молодуха,
чтоб ходить два раза».

* * *

Вот уже неделю
что ни день – гулянка.
Во хмелю летели
дни над Серебрянкой.

Во дворе скулили,
словно псы, метели,
а мы водку пили
да пельмени ели.

Бабы пели песни,
мужиков ругали,
ну, а мы, хоть тресни,
их не замечали.

Всё перемешалось,
дни зашли за ночи.
Кто проспался малость,
кто ещё не очень,

кто ползёт к кровати,
кто кряхтит с похмелья...
Славное занятие –
пьянка да безделье.

Эх, всю жизнь гулять бы,
жить бы без усилий!
Справили три свадьбы...
Умер дед Василий.

* * *

Душистый чай, пахучий лист –
игра тепла и света.
Ведут скрипач и пианист
мелодию букета.

С высоких гор, где мир храня,
живёт принцесса Гита,

стекает в тридцать три ручья
божественный напиток.

Во все концы несёт поток
крупницы листьев чая.
И всяк гурман, и всяк знаток
свой вкус в них различает.

Все в мире хвалят крепкий чай,
но знать никто не хочет,
как достаётся урожай
тех листьев для рабочих.

Лишь я болею за народ,
за бедных сборщиц чая,
я представляю, как им пот
одежду разъедает,

как он течёт по тёмным лбам
и по усталым шеям.
Я чашку подношу к губам
и, как они, потею.

* * *

Не помогли ни уговоры,
ни обещания, ни плач.
Сегодня в ночь по приговору
к нему пришёл в тюрьму палач.

Свершилось всё на редкость скоро,
был скорым суд и выстрел скор.
Стонала ночь, качались горы,
и угасал холодный взор.

Он был разбойником и вором,
он всюду сеял смерть и страх,
народ подобного террора
ещё не ведал в тех краях.

Никто не плакал у могилы,
никто не клал цветы на гроб.
Одна лишь мать его простила,
да прочитал молитву поп.

Светило солнце во всю силу,
цвели цветы, росла трава,
а мать молилась и молилась,
пока сама была жива.

Сказал Господь: « Ты заслужила
великой верой светлый рай, —
вставай же, мать, покинь могилу
и всё, что хочешь, выбирай».

«Мне выбирать совсем не гоже, —
взмолилась мать в полубреду, —
позволь мне только, если можешь,
поближе к сыну быть в аду».

* * *

К несчастью, кончилось вино,
а ещё совсем не пьяный.
Мне жалко, но сухое дно –
позор для всякого стакана.

Стакан никчемен без вина,
как без любви никчемны люди.
В них, вместо Бога, сатана,
и сатана в пустой посуде.

Так что ж нам нечисть разводить,
заняться нечем больше что ли?
Давайте станем чаще пить
и женщин обожать до боли.

* * *

Не знакомая ты, не подруга,
не любовница и не жена.
А давай мы приснимся друг другу,
пока в городе бродит весна.

Погуляем во сне по бульварам,
чуть намокнем под первым дождём.
Посмотри, мы прекрасная пара,
жаль, что раньше не знали о том.

Проболтаем с тобой до полночи,
согласись, сколько общего в нас:
плюсов, минусов и многоточий
после самых волнующих фраз.

Хорошо, что луна, словно блюдце,
хоть клади на неё пироги,
что сердца наши радостно бьются,
и не знают об этом враги.

Хорошо, что есть ночь неземная,
нам на счастье засветит звезду.
Спи спокойно, и я засыпаю,
словно бы на свиданье иду.

* * *

Причитает бабка Марья:
«Вот, дожили до поры,
что в июне, как в Сахаре,
всё погибло от жары.

Никакого нет порядка,
солнце летом топит печь,
словно бы на наших грядках
собралось оладьи печь.

Ох, беда – кругом проруха,
хоть куда – всё нелады.

Разве я, одна старуха,
натаскать могу воды?

Принесу ведро по жару –
хоть в могилу на покой.
Как была бы девкой, парень
приискался бы какой.

А была бы молодухой –
был бы муж иль ухажер.
Ну, а так одна старуха
не притащит сто ведёр.

Руки, ноги, как из ваты,
и спина, как из стекла.
Вот зимой Матвеич сватал,
так я, дура, не пошла».

ШАХЕРИЗАДА

Говорил мне отец: «Ты не пара
для царя из царей Шахрияра,
он не ценит ни ласку, ни страсть»,
Знаю я, о, отец благородный,
Шахрияр на любовь не голодный,
но на всё у Аллаха есть власть.

Говорил мне отец: «Моя пери,
Шахрияр хуже дикого зверя

превратит тебя в тлен он и в прах».
О, спасибо, визирь, за подсказку,
твои страхи в волшебную сказку
превратит всемогущий Аллах.

Говорил мне отец: «Шахрезада,
не ходи за царя, ну, не надо,
пожалей свою молодость, дочь»,
Ничего! С позволения Аллаха
я веду свои речи без страха
уже тысяча первую ночь.

Говорил мне отец: «Это счастье,
что нас сказки спасли от напасти,
у тебя есть богатство и муж».
Нет, отец, дело вовсе не в сказке,
а в простой человеческой ласке
и слиянии любящих душ.

* * *

Пока темно, но ал уже восток.
Заря спешит светилом разродиться,
уже галдят кое-какие птицы,
хотя иные дремлют себе впрок.

Ещё темно. Кот Васька на столе
вчерашнюю котлету доедает.
А в это время кошкой по земле
ползёт рассвет. Итак, уже светает.

Хозяйка встала. Ваську со стола
прогнала тряпкой, чтоб не баловался.
Кряхтит Иван Кузьмич с опохмела.
Ну, слава Богу, новый день начался.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. Фронтиспис. А.В.Степанов. Фотография (2014).

2. Стр. 66.

Бунеев Павел Васильевич (1930-е годы).

Бунеева (Маслова) Анисья Сергеевна

Семья Бунеевых: Василий Иванович, Мария

Ивановна, Павел Васильевич, Анисья

Сергеевна, дети: Антонина, Валентина,

Елена, Нина, Таисия (1930-е годы).

3. Стр. 67.

Степанова (Бунеева) Нина Павловна

Степанов Владимир Ильич (1950-е годы).

Бунеевы Василий Иванович и Мария

Ивановна и их дочь Дарья Васильевна

Со старшим братом Павлом (1949-1950).

СОДЕРЖАНИЕ

О СЕБЕ	5
СТРОГО МЕЖДУ НАМИ	9
Друзьям	10
«Брызги шампанского» - танец души...	11
Переживу я эту боль...	11
Безумная любовь	12
Я приму твою подсказку...	13
Если мужа у вас нету...	14
Грех	15
Ах, весна	16
Звёзды любви	17
Вечерняя заря укрылась покрывалом...	19
Незнакомка	19
Ты держишься немного в стороне...	20
Тишина	21
И снова мы играем в прятки...	22
Люблю	24
Свадьба	25
Бабушка	28
Валентина	28
Мама	29
Дочери	31
О Родине не следует кричать...	33
Мы хлеб едим, который испекли...	33
Мы с домом отчим чем-то схожи...	33
Запах чёрной смородины...	34
Машина времени – моя семья...	34

Ребёнок на коленях у отца...	34
Алоэ	34
Умному ночь для раздумий дана...	35
Мудрый думает много...	35
Господи, развеи мои сомненья...	35
Питают крохи воробья...	35
В чём истина? Кто может объяснить?	36
Святые	36
Помоги себе сам	38
Как Толстой	39
Я – русский	40
Рыжий	41
Лежим на брюхе посередь болота...	42
Мышь	44
Волк	45
Пёс	46
Бугай	47
Олень	48
Нечистая сила	51
На острове Буяне	53
П.Степанову	57
Чума	60
Пчёлы	61
Геннадия Ионину	61
Грузия	63
Он уходил из жизни тихо...	64
В армии	68
Философский вопрос	70
Нежданный снег	71

Шестидесятники	72
Ах, какой неожиданный вечер...	74
Существует и такое мнение...	74
Поэту нечего стесняться...	75
Ночь	75
Весна	76
В воскресенье и субботу...	76
Новый мир точно так же, как старый...	77
Да, у меня опять запой...	77
Запах осени – запах земли...	78
Бюст	78
Горбуша	78
К морю	80
ОДОЛЕНЬ-ТРАВА	81
Я иду по цветущему лугу	82
Словно косы в космы расплетенные...	83
Зачем смеяться, если...	83
Всегда рождала подлецов земля...	83
В твоих глазах огонь шальной...	84
Мне жить с тобой...	84
Хмель, наверно, бродит во всем...	84
Я каждой женщине гляжу вослед...	84
Лето	85
Теплый дождь	88
После дождя	89
Осенний бал	90
Осень	92
Кудри	93
Ночью	94

Наташа	96
Вечер	97
Комета	100
Сидел у старой хибары...	101
Приворотное зелье	102
Не скажу тебе ни слова...	103
Плач отца	103
Тоска-печаль	106
Сегодня небо синее...	108
Мечта	109
Ты подошла ко мне...	110
Трубка Степана Разина	111
После охоты	114
Моя милка милая...	115
Звезды	116
Вальс-бостон	116
Вино из одуванчиков	117
Дама пик	120
Ива	121
Кактусы	122
Леший	123
Феи	125
ЗАПАХ ЧЁРНОЙ СМОРОДИНЫ	127
Начинать не стоит, чтоб прощаться...	128
Ну, что там в России...	129
Ликует русская столица...	130
Вера, Надежда, Любовь	131
Кумиры	133
По дорогам и по тропам...	134

Вороньё	137
Полночь, бессонница, бред...	138
Война	139
Нет, умирать пока не надо...	139
Пожар	140
Снова в путь...	141
Зимнее утро	142
Природа	143
Мужики	144
Тепло	146
Гляжу вокруг и ничего не вижу...	147
Жизнь, словно солнце...	148
Что со мной? Никто не спросит...	148
Бойко Светлане	150
Она была скромна и молода...	151
Телефон	152
Надень-ка кофту новую...	153
Виноградины	154
Каблучок	155
Последний раз танцуем мы с тобой...	156
Я знаю, жизнь не удалась	158
Февраль	158
По Оби везёт туристов...	159
В этой царственной гостиной...	160
Омар Хайям	162
Игорь Северянин	163
Всякий знает свои приметы...	164
Мы все работать понемножку...	165
На часах всего пять двадцать...	166

- Боже правый, скоро святки... 167
- Я остался опять без вины виноватый... 168
- Есть женщины, что снятся по ночам... 168
- Я видел вас с тех пор десятки раз... 169
- Бабочка 171
- Как хорошо весной в лесу у нас ... 172
- У нас зима. Метели без просвета... 173
- Закатилось солнышко... 174
- «Как дела, сосед?» – «Хреново...» 175
- Здесь течёт не Волга, а Тула... 177
- СТИШАТА 179
- «Я, может быть, самый первый...» 180
- «День сегодня, как в сказке...» 180
- «Шагает весна, а проталинки...» 180
- «Тает снег, зеленеет улица...» 180
- «Где стучит в барабаны капель...» 181
- «Сосулька, наморщив в волнении лоб...» 181
- «У весны свои привычки...» 181
- «Устав от долгих переходов...» 181
- «Весна на дворе, но лето...» 182
- «Собиралась заря втихаря...» 182
- «Прошли года и юности звезда...» 182
- «До зари кукушка куковала...» 183
- «Погадай мне, кукушка...» 183
- «Облака надо мной повисли...» 183
- «Дым, как чёрная река...» 184
- «Я сказал тебе злые слова...» 184
- «Когда любовь совсем не греет...» 185
- «Ах, эта грудь, божественная грудь...» 185

- «Загляни мне в глаза...» 185
- «Смеёшься ты, красивая чертовка...» 186
- «Умирает солнце, день как жизнь...» 186
- «Снег над нами весь вечер кружится...» 186
- «Ты от меня настолько далеко...» 187
- «Мне опостытели прощания и встречи...» 187
- «Ночь, наверно, устала...» 187
- «Гляжу я в мамины глаза...» 188
- «Ты вся во мне: в моих мечтах и снах...» 188
- «В твоих глазах огонь шальной...» 188
- «Мне жить с тобой и без тебя невмочь...» 189
- «Хмель, наверное, бродит во всём...» 189
- «Я каждой женщине гляжу вослед...» 189
- «Про женщин слышать не могу...» 189
- «Её пухленькие губы...» 190
- «Время с нами не шутит...» 190
- «Любить тебя не лёгкий труд...» 190
- «Мальчишка ночью полупьяной...» 191
- «Когда остались мы вдвоём...» 191
- «Мысли, как птицы...» 191
- «О Родине не следует кричать...» 192
- «Мы хлеб едим, который испекли...» 192
- «Мы с домом отчим чем-то схожи...» 192
- «Запах чёрной смородины...» 192
- «Машина времени – моя семья...» 193
- «Нет-нет, и вспомнится бывшее...» 193
- «Ребёнок на коленях у отца...» 193
- «Четыре стиха – четыре мгновенья...» 193
- «Умному ночь для раздумий дана...» 194

- «По жизни мы идём не в ногу...» 194
 «Начинается всё от истока...» 194
 «Мудрый думает много...» 194
 «Господи, развеи мои сомненья...» 195
 «Питают крохи воробья...» 195
 «Похвально к лучшему стремленье...» 195
 «В чём истина? Кто сможет объяснить?» 195
 «Мы все беспечны от рожденья...» 196
 «Творя себе какую-нибудь тварь...» 196
 «Истина всегда одна – в земле...» 196
 «Запах осени – запах земли...» 196
 «Словно косы в космы расплетённые...» 197
 «Ничего не ищу в этом мире я...» 197
 «Всегда рождала подлецов земля...» 197
 «Блудило горе по России...» 197
 «Всё исхожено, всё излазано...» 198
 «Гармонь играет. Слушает народ...» 198
 «Зачем смеяться, если всё так грустно...» 198
 «Ах, какой неожиданный вечер...» 198
 «Зачем всё время о плохом...» 199

Алоэ 199

Шиповник 199

- «Здесь всё чужое, словно за границей» 199
 «Не всем дано быть на переднем крае...» 200
 «Словно птица, летает доньне...» 200
 «От тревоги и бед, и заботы излишней...» 200
 «Да, у меня опять запой...» 201

Надпись на книге «Гнездо поэтов» 201

Война 201

- «Не проходите мимо лопуха...» 202
- «Мы пишем книги, изучаем быль...» 202
- «Скряге Гермону приснилось вчера...» 202
- «Дожди, дожди, идут дожди...» 203
- «Есть в этом мире кружевницы...» 203
- «Вином по скатерти струилась...» 203
- «Есть много дел на свете интересных...» 204
- «Грудь твоя - постоянный магнит...» 204
- «Глядел я в небо. В тёплых облаках...» 204
- «Родился человек не потому...» 205
- «Не кусай мне губы...» 205
- «Непогода на дворе...» 205
- «Её рука ласкает и казнит...» 206
- «Ты, как всегда, была права...» 206
- «Как много ухабов и трещин...» 206
- «Идёт толпа. Вперёд, братки!» 206
- Бюст 207
- «Созвездие Ковша, Стрелец...» 207
- «Вот и старость моя приближается...» 207
- «Что мне солнце, что дождь, что тучи...» 208
- «Мы все работать понемножку...» 208
- Медицинские прописи 208
- Автоэпиграммы 209
- «Умирает речка – мало в ней воды...» 210
- Из Омара Хайяма 210
- Мы верили 210
- Коньяк 211
- ПАРАД НАСЕКОМЫХ 211
- МЕЛОДИИ ВЕТРА 222

Всплывает солнце где-то вдалеке...	223
Сегодня солнце не взошло...	224
Я сегодня с утра...	225
Волк и Комар	226
Я спал уже. И, вдруг, звонок ...	228
Лес валили мужики...	230
Кумиров много по земле рассеяно...	232
Я, как лист, закружил над поляной...	232
Серые берёзы, серые осины...	233
Гармонь	234
Франсуа Вийон	235
Всё проходит, пролетает мимо...	236
Ветер жизни спешит, ускоряя свой бег...	237
Вчера метель, позавчера метелица...	238
Нам не сыплют с неба манну...	238
Мы лезли в горы, кланялись Памиру...	240
Милая хрупкая девочка...	241
Предновогоднее	242
Живут же люди	29
В деревне мы. Вот пасека и сад...	243
Я так устал, я задохнулся в беге...	244
Словно свечку в ночи задули...	245
Всё б ничего, но только в драке...	246
Мне точно бы дали за это медаль...	247
Я сегодня из боя...	248
Брату	249
Мой милый друг...	251
Не делайте постыдного, друзья...	251
Лишь два наречья на земле звучат...	252

Когда-нибудь в зловещей тишине...	253
Живут же люди, скатерть самобранки...	253
Звезда Полюнь	254
Подобно красному дракону...	257
Венерин башмачок	257
Солнечный лучик над маревом крыш...	260
Живу один, а Светка...	261
Выпил водки пузырь...	262
Гамлет	268
Обессилил дед Василий...	270
Вот уже неделю...	271
Душистый чай, пахучий лист...	272
Не помогли ни уговоры...	273
К несчастью, кончилось вино...	275
Не знакомая ты, не подруга...	275
Причитает бабка Марья...	276
Шахеризада	277
Пока темно, но ал уже восток...	278

